

НОВАЯ СЕРИЯ ОТ СОЗДАТЕЛЯ «ПЕРСИ ДЖЕКСОНА»!

НАСЛЕДНИКИ БОГОВ

КРАСНАЯ ПИРАМИДА

РИК
РИОРДАН

Рик Риордан
Красная пирамида
Серия «Вселенная Перси
Джексона и наследников богов»
Серия «Мир Перси Джексона»
Серия «Наследники богов», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68015497

Красная пирамида: Эксмо; М; 2015
ISBN 978-5-04-174367-3

Аннотация

Что вы знаете о семье Кейн? Меня зовут Картер Кейн. Мне четырнадцать лет, и вся моя жизнь вмещается в чемодан. Я объехал полмира вместе с моим отцом-археологом. У меня есть сестричка Сейди, которая живет в Англии. Думаете, тоска зеленая? А вот и нет! Если все обычные подростки получают в подарок на Рождество всякую ерунду, то мы с сестрой получили разгневанного египетского бога Сета, который готов поработить весь мир. Нашему папе зачем-то пришло в голову пробудить древних богов, и добром, как вы понимаете, это не кончилось. Теперь нам предстоит сразиться с приспешниками Сета, которых, поверьте мне на слово, великое множество, и навсегда загнать

их властелина в мрачный Дуат. А еще мы с сестрой оказались наследниками фараонов, и в нас вселились божества: Гор и Исида... В общем, сумасшедшие приключения нам обеспечены!

Содержание

Предупреждение	7
1	8
2	30
3	47
4	61
5	76
6	95
7	127
8	157
9	173
10	184
Конец ознакомительного фрагмента.	191

Рик Риордан

Красная пирамида

© Васильева А., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Посвящается моим друзьям-библиотекарям – знатокам книг, истинным магам Дома Жизни. Без вашей помощи автор безнадежно заблудился бы в Дуате.

Предупреждение

Приведенный ниже текст представляет собой расшифровку цифровой аудиозаписи. В некоторых местах из-за плохого качества звука автору приходилось домысливать отдельные слова и фразы. Там, где это возможно, в расшифровке приведены изображения упомянутых в записи символов. Фоновые звуки, такие как шорох шагов, шум потасовок, перебранки и прочее, в тексте опущены. Автор не берет на себя смелость утверждать, что запись подлинная. Более того: в то, что оба юных рассказчика говорят правду, поверить почти невозможно... однако вам, читателям, предстоит разобраться в этом самостоятельно.

1

Смерть у Иглы

Картер

У нас остается в запасе всего несколько часов, так что слушайте внимательно.

Если вы слушаете сейчас эту историю – значит, вы уже в опасности. Возможно, Сейди и я – ваш единственный шанс на спасение.

Отправляйтесь в школу. Отыщите в раздевалке шкафчик. Не стану говорить, в какую школу и какой шкафчик: если вы в самом деле тот, к кому мы обращаемся, вы найдете их сами. Нужная комбинация – 13/32/33. Когда вы прослушаете запись до конца, то узнаете, что означают эти цифры. Просто не забывайте, что история, о которой мы вам расскажем, еще не закончилась. И как она закончится – зависит от вас.

Запомните самое главное: когда вы откроете сверток и увидите, что в нем, ни в коем случае не держите его у себя

больше недели. Конечно, соблазн будет велик. В смысле, он ведь наградит вас почти беспредельными возможностями... Но если вы будете владеть им слишком долго, он вас поработит. Поскорее раскройте секреты свертка и передайте его дальше. Спрячьте где-нибудь в надежном месте для следующего человека, так же, как мы с Сейди спрятали его для вас. А потом приготовьтесь к тому, что ваша жизнь станет очень, очень... интересной. Насыщенной так уж точно.

Ага, ладно, Сейди тут говорит, чтобы я перестал болтать попусту и переходил к самой истории. Значит, так. Думаю, все началось в Лондоне, в ту самую ночь, когда наш папа подорвал Британский музей.

Меня зовут Картер Кейн. Мне четырнадцать лет, и вся моя жизнь вмещается в чемодан.

Думаете, я шучу? Мы с отцом путешествуем по свету с тех пор, как мне исполнилось восемь. Вообще-то я родился в Лос-Анджелесе, но отец у меня археолог, и из-за работы ему приходится много разъезжать по миру. Чаще всего мы ездим в Египет, потому что отец специализируется на египтологии. Зайдите в любой книжный магазин, возьмите любую книгу про Египет, – скорее всего ее автором окажется доктор Джулиус Кейн. Хотите знать про то, как древние египтяне выковыривали из мумий мозги, или как они возводили свои пирамиды, или про проклятие могилы Тутанхамона? Тогда мой папа – тот, кто вам нужен. Конечно, были

и другие причины, которые заставляли отца метаться из одной страны в другую, но в то время я еще ничего не знал о его тайне.

В школу я не ходил. Отец сам занимался со мной, устроив мне вроде как домашнее обучение, если только эти слова применимы к человеку, которого никогда не было дома. Он учил меня тем вещам, которые сам считал важными, так что я знаю кучу всего про Древний Египет, баскетбол, ну и про джазовую музыку тоже. И вообще я читал довольно много книг, все, что попадалось под руку, – от исторических монографий отца до всякой фантастики, и все потому, что я часто просиживал дни напролет в отелях, аэропортах или на раскопках, где у меня не было ни одного знакомого. Отец, правда, вечно ворчал, чтобы я не сидел сиднем с книжкой, а шел погонять мяч с ребятами. Вот только вы, случайно, никогда не пробовали затеять баскетбольный матч в какой-нибудь египетской дыре вроде Асуана? То-то и оно.

Отец рано приучил меня держать все свои пожитки в единственном чемодане, который легко помещался бы в багажный отсек над сиденьем в салоне самолета. Сам он ограничивался тем же количеством багажа, разве что ему разрешалось иметь еще сумку с рабочими археологическими инструментами. Правило номер один: заглядывать в эту сумку мне строго-настрого запрещалось. И я этого правила ни разу не нарушил – вплоть до того самого дня, когда прогремел взрыв.

Это случилось в сочельник. Мы тогда как раз приехали в Лондон, чтобы навестить мою сестру Сейди.

Видите ли, папе разрешено видеться с ней только два раза в год – один день зимой, один летом, потому что бабушка и дедушка терпеть его не могут. После того как наша мама умерла, ее родители (наши бабушка и дедушка) затеяли грандиозную тяжбу с моим отцом. После шести адвокатов, двух потасовок и едва не закончившегося смертоубийством нападения с использованием шпателя (ох, даже не спрашивайте) они отвоевали право оставить Сейди у себя в Англии. Ей тогда было шесть, на два года меньше, чем мне, а содержать нас двоих они не могли – по крайней мере, так они обосновали свой отказ взять меня к себе тоже. Так что Сейди росла как обычная британская школьница, а я странствовал вместе с отцом. С Сейди мы виделись всего дважды в год, что меня не особо огорчало.

(Заткнись, Сейди. Да, да, я уже перехожу к сути.)

Короче, наш рейс пару раз задержали, и когда мы с отцом наконец приземлились в Хитроу, был уже вечер. Холодный, промозглый такой вечер. И пока мы тащились на такси через весь город, было заметно, что отец сильно нервничает.

Вообще-то отец у меня здоровяк, и по виду не скажешь, что его легко вывести из равновесия. Кожа у него смуглая, как у меня, голова бритая наголо, пронзительные карие глаза, еще он носит острую бородку, так что здорово напоми-

нает эдакого ученого-злодея, как в кино. В тот вечер он был одет в зимнее кашемировое пальто и свой лучший коричневый костюм, из тех, которые надевает для лекций. Обычно он держится очень уверенно, сразу привлекая к себе всеобщее внимание, где бы он ни появился, но время от времени – как раз как в тот вечер – он ведет себя совсем по-другому... и тогда я толком не понимал, что с ним происходит. Он все время оглядывался через плечо, как будто за нами кто-то гнался.

– Пап? – окликнул я его, когда мы съехали с шоссе. – Что-нибудь не так?

– Пока их не видно, – пробормотал он.

И только тут отец, видимо, заметил, что говорит вслух, потому что вздрогнул и уставился на меня.

– Ничего, Картер. Все в полном порядке.

Тут я, конечно, встревожился, потому что мой отец вообще-то жуткий врун. Я всегда знал, что он что-то от меня скрывает, но также понимал, что, сколько его ни доставай, правды он не скажет. Наверное, он старался убереечь меня от чего-то, вот только не знаю от чего. Иной раз я задумывался: может, в его прошлом есть какая-то мрачная тайна, и теперь его преследует какой-нибудь заклятый враг, но сама эта идея казалась мне попросту глупой. Папа ведь всего-навсего археолог, какие у него враги?

Признаться, меня насторожил еще один факт: отец крепко вцепился в свою рабочую сумку. Обычно, когда он так де-

дает, это означает, что нам угрожает опасность. Как, например, в тот раз, когда в наш отель в Каире вломились трое вооруженных бандитов. Я услышал выстрелы в вестибюле и сбежал вниз посмотреть, все ли в порядке с отцом. Когда я домчался до подножия лестницы, отец уже преспокойно застегивал молнию на сумке, а трое бандитов в отключке свисали с люстры, зацепившись за нее ногами, так что их балахоны свесились им на головы и были видны трусы. Полиции отец заявил, что ничего не видел, так что в итоге полицейские занесли в протоколы, что причиной происшествия стала техническая неисправность люстры.

В другой раз мы оказались в центре уличных беспорядков в Париже. Отец тогда бросился к ближайшей припаркованной на улице машине, впихнул меня на заднее сиденье и велел мне лежать и не высовывать носа. Я тогда что было силы вжался в пол и крепко зажмурился. Я только слышал, как отец на водительском сиденье копается в своей сумке, что-то негромко бормоча себе под нос, пока толпа снаружи орала и бесчинствовала, круша все, что попадет под руку. Через несколько минут он сказал, что опасность миновала и мы можем выходить. Все остальные машины в квартале были опрокинуты и сожжены, и только наша сияла свежей полировкой, да еще под щетки «дворников» было подсунуто несколько купюр в двадцать евро.

В общем, я стал относиться к сумке отца с изрядным почтением. Она словно была нашим счастливым амулетом. Вот

только если отец держал ее под рукой, это означало, что нам вот-вот понадобится большая порция удачи.

Мы миновали центр города и двинулись дальше на восток, туда, где жили мои бабушка с дедушкой. Проехали мимо золотых ворот Букингемского дворца, мимо каменной колонны на Трафальгарской площади. Лондон, конечно, классное место, но когда так много путешествуешь, все города начинают сливаться в один. Другие ребята часто говорили мне: «Ух ты, везет тебе, ты столько путешествуешь». Вот только у нас редко было время полюбоваться достопримечательностями, да и денег не хватало, чтобы развезжать по миру с комфортом. Обычно мы останавливались в каких-нибудь дешевых гостиницах и редко задерживались на одном месте больше чем на пару дней. Так что по большей части мы вели жизнь беженцев, а не туристов.

Хотя, конечно, никто бы не подумал, что в работе моего отца может быть что-то опасное. Обычно он выступал с лекциями вроде «Может ли египетская магия в самом деле убить вас?» или «Самые популярные наказания в загробном мире Древнего Египта» и прочей ерундой, до которой большинству людей нет никакого дела. Но, как я уже говорил, поведение моего отца отличалось и странностями. Он всегда держался очень осторожно и тщательно проверял каждый номер в отеле, прежде чем позволить мне войти внутрь. Иногда он врвался в музеи, чтобы взглянуть на какие-нибудь артефакты, быстро делал в блокноте заметки и спешил

прочь, словно боялся, что его засекут камеры слежения.

Помню, однажды, когда я был еще маленький, мы неслись с ним через весь аэропорт Шарля де Голля в Париже, чтобы успеть на самолет, и отец никак не мог расслабиться, пока самолет наконец не поднялся в воздух. Я тогда прямо спросил его, от чего мы убегали, и он посмотрел на меня так, словно я только что на его глазах вырвал чеку из гранаты. На мгновение я даже испугался, что сейчас он скажет мне правду. Но он сказал: «Что ты, Картер, ни от чего». У меня тогда мелькнула мысль: как это самое «ничего» может быть таким ужасным, что даже мой отец теряет самообладание?

Тогда-то я и решил, что лучше вообще не задавать никаких вопросов.

Мои бабушка и дедушка – их фамилия Фауст – живут в микрорайоне около Кэнэри-Уорф¹, прямо на берегу Темзы. Такси высадило нас у поворота к их дому, и отец попросил таксиста подождать нас.

Мы уже прошли полпути, как вдруг отец замер, затем резко обернулся и уставился на что-то позади нас.

– В чем дело? – спросил я.

Тут-то я и увидел того человека в длинном пальто. Он стоял на дальней стороне улицы, прислонясь к большому высохшему дереву. Невысокий такой, толстый, с кожей цвета обжаренного кофе. Его длинное, почти до земли, темное паль-

¹ Деловой квартал в восточной части Лондона.

то и костюм в тонкую полоску были точно не из дешевых. Длинные волосы собраны в косички, на глазах круглые темные очки, на лоб низко надвинута мягкая фетровая шляпа. Чем-то он был похож на джазового музыканта, вроде тех, на чьи концерты вечно таскал меня отец. И хотя его глаз я не видел, я не сомневался: он смотрит прямо на нас. Наверно, подумал я, это кто-то из старых папиных приятелей или коллег. Отец вообще часто натыкался на знакомых, в каком бы городе мы ни оказались. Вот только мне показалось странным, что этот человек поджидает нас здесь, возле дома моих бабушки с дедушкой. И особой радости от встречи я в нем не заметил.

– Картер, – сказал мне отец, – иди-ка пока без меня.

– Но...

– Забирай сестру, и встретимся в такси.

Отец зашагал через улицу к тому человеку в пальто. Я мог пойти следом за ним и посмотреть, что тут творится, или сделать, как было велено.

Я предпочел меньшее из двух зол и отправился на встречу с сестрой.

Сейди открыла дверь прежде, чем я успел постучать.

– Опоздали, как всегда, – заявила она.

В руках она тискала свою кошку по кличке Пышка – прощальный подарок отца, сделанный им шесть лет назад. Время шло, но Пышка ничуть не менялась: не росла, не толсте-

ла. У нее был пушистый рыжевато-черный мех, который делал ее похожей на миниатюрного леопарда, настороженные желтые глаза и заостренные уши, пожалуй, немного слишком большие для ее аккуратной головки. На ошейнике поблескивала серебряная подвеска – египетская фигурка-кошечка. На пышку она была ничуть не похожа, но Сейди была совсем маленькой девочкой, когда давала ей имя, так что не стоит слишком придираться.

Сейди с лета тоже не слишком изменилась.

(Сейчас, когда я говорю это, она торчит рядом и внимательно слушает, так что я постараюсь выбирать слова как можно осторожнее.)

Вы бы ни за что не подумали, что она моя родная сестра. Во-первых, Сейди так долго прожила в Англии, что теперь говорит с британским акцентом. Во-вторых, она пошла в нашу маму, так что кожа у нее гораздо светлее моей. Волосы у сестры прямые, цвета карамели, – не то чтобы белокурые, но и не темные, и она обычно окрашивает отдельные пряди в какие-нибудь яркие цвета. В тот раз у нее было несколько красных прядей слева. Глаза у Сейди синие. Нет, я серьезно: по-настоящему синие, совсем как у нашей мамы. Ей всего двенадцать, но ростом она уже догнала меня, что, честно говоря, ужасно бесит. В тот момент она, как всегда, жевала жвачку, и хотя собиралась провести день с отцом, вырядилась, как на крутой рок-концерт: в драные джинсы, кожаную куртку и армейские ботинки. На случай, если с нами

окажется уж очень скучно, на шее у нее болтались наушники от плеера.

(Отлично, она даже не попыталась меня поколотить, значит, ее портрет я нарисовал неплохо.)

– Наш самолет задержали, – сказал я.

Сейди молча выдула пузырь из жвачки, потрепала Пышку за ушами и ссадила ее на пол, прокричав бабушке от двери: «Бабуль, я пошла!»

Бабушка что-то ответила ей из недр дома, я толком не разобрал. Скорее всего, «Не пускай их на порог!».

Сейди закрыла за собой дверь и уставилась на меня с таким омерзением, как будто я был дохлой мышью, которую приволокла ей кошка.

– Значит, опять ты.

– Угу.

– Ну ладно, пошли тогда, – вздохнула она обреченно. – Куда ж деваться!

Вот такая у меня сестренка. Никаких тебе «Привет, как ты провел эти полгода? Рада тебя видеть!» или что-нибудь в этом роде. Но я особо не расстраивался. Когда видишься всего-навсего два раза в год, родственные отношения не особенно складываются. У нас и впрямь не было ничего общего, кроме родителей.

Мы потащились вниз по лестнице, и я размышлял о том, как занятно от нее пахнет – домом, где живут старики, и одновременно жвачкой, как вдруг она резко остановилась, и я

чуть не впечатался ей в спину.

– Это еще кто? – спросила она.

А я уже почти и забыл про того мужика в длинном пальто. Они с отцом торчали на противоположной стороне улицы возле засохшего дерева, и еще издали было видно, что они всерьез ругаются. Отец стоял ко мне спиной, так что его лица я не видел, но руками он размахивал очень возбужденно. А тот, второй, в ответ хмурился и качал головой.

– Без понятия, – отозвался я. – Он уже был здесь, когда мы подъехали.

– Кажется, я его уже где-то видела, – буркнула Сейди и нахмурилась, как будто пытаюсь что-то вспомнить. – А ну пошли!

– Отец сказал, чтобы мы ждали его в такси, – сказал я, хотя уже было ясно, что впустую, – Сейди стрелой неслась вперед.

Вместо того чтобы сразу перейти улицу, она пробежала чуть ли не полквартала, пригибаясь, чтобы ее не было видно за припаркованными вдоль тротуара машинами, затем перескочила через дорогу и поползла в обратную сторону, прячась за низким каменным парапетом, к тому месту, где находился наш отец. У меня не оставалось другого выбора, кроме как последовать ее примеру, хотя чувствовал я себя при этом ужасно глупо.

– Шесть лет в Англии, – бурчал я, – и она уже воображает себя Джеймсом Бондом.

Сейди, не оборачиваясь, врезала мне локтем и упорно продолжала ползти дальше.

Еще пара метров – и мы оказались как раз за тем большим высохшим деревом. Из-за него до меня донесся голос отца: «... должен, Амос. Ты ведь знаешь, что это будет правильно».

– Нет, – резко возразил его собеседник, которого, надо полагать, и звали Амосом. Он говорил басовито, ровно – и очень настойчиво, с заметным американским акцентом. – Джулиус, если тебя не остановлю я, это сделают они. Пер Анх уже навис над тобой.

– Какой еще Пер? – озадаченно прошептала Сейди, повернувшись ко мне.

Я так же озадаченно помотал головой.

– Давай лучше убираться отсюда, – шепнул я, понимая, что нас вот-вот засекут и тогда нам мало не покажется. Но Сейди, само собой, пропустила мои слова мимо ушей.

– Они не знают, в чем состоит мой план, – продолжал отец. – И к тому времени, когда они начнут догадываться...

– А дети? – тут же перебил его Амос. – Как быть с ними?

От этих слов волосы дыбом встали у меня на затылке.

– Я принял меры, чтобы защитить их, – отрезал отец. – И кстати, если я этого не сделаю, мы все окажемся в опасности. А теперь отстань от меня.

– Я не могу, Джулиус.

– Ты что, бросаешь мне вызов? – мрачным тоном осведо-

мился отец. – Тебе никогда не одолеть меня, Амос.

Я не видел отца в такой ярости со времен пресловутой Битвы Шпателя и не горел желанием увидеть подобное снова, однако эти двое, кажется, всерьез настроились на драку.

Прежде чем я успел хоть что-то предпринять, Сейди вдрун выскочила из укрытия, громко воскликнув: «Папочка!»

Отец изрядно изумился, когда она повисла у него на шее, однако тот второй, Амос, обалдел еще больше. Он тут же резко отвернулся и чуть не свалился, наступив на полу собственного пальто.

Очки слетели у него с носа, и у меня мелькнула мысль, что Сейди, пожалуй, была права. В нем и впрямь было что-то неуловимо знакомое... как очень-очень далекое воспоминание.

– Я... мне пора, – сказал он, поправил свою шляпу и тяжело поплелся прочь по улице.

Отец некоторое время глядел на его удаляющуюся спину, одной рукой прижимая к себе Сейди, а другую запустив в свою рабочую сумку, свисающую у него с плеча. И только когда Амос скрылся за углом, папа наконец расслабился: вынул руку из сумки и улыбнулся Сейди.

– Ну здравствуй, моя сладкая.

Сейди тут же оттолкнула его и сложила руки на груди.

– Ах, теперь, значит, твоя сладкая? Ты опоздал! Время посещения уже почти закончилось! И что это такое здесь было? Кто он, этот Амос, и что еще за Пер Анх?

Отец прямо остолбенел и только таращился на меня, словно пытаюсь понять, как много мы успели подслушать.

– Ничего, ерунда, – сказал он с деланой небрежностью. – Слушайте-ка лучше: у меня на сегодня задумано нечто потрясающее. Как насчет похода в Британский музей?

Сейди плюхнулась на заднее сиденье такси между мной и папой.

– С ума сойти, – принялась бухтеть она. – У нас всего один вечер вместе, и ты собираешься потратить его на свои дурацкие исследования.

Отец попытался изобразить бодрую улыбку.

– Сладкая моя, это будет очень весело. Смотритель египетской коллекции лично пригласил нас...

– Ага, какой сюрприз, – продолжала ворчать Сейди, раздраженно отбрасывая с лица ярко-красные пряди. – Сочельник, все веселятся и празднуют, а мы потащимся смотреть на какое-то заплесневелое египетское старье. Ты вообще о чем-нибудь еще думаешь?

Нет, отец не разозлился. Он вообще никогда не злится на Сейди. Он только уставился в окно на темнеющее небо и морозящий дождь.

– Да, – спокойно ответил он. – Иногда.

Всякий раз, когда отец становился таким вот непробиваемо-спокойным и принимался глядеть в никуда, я точно знал: он думает о нашей маме. Последние несколько месяцев это

часто с ним случалось. Бывало, захожу я в гостиничный номер, где мы остановились, а он сидит с мобильным телефоном в руках, а на дисплее светится фотография улыбающейся мамы: волосы повязаны платком, ясные синие глаза смотрят вдаль, в пустыню.

Или в другой раз, когда мы были на раскопках. Я видел, как отец подолгу неотрывно вглядывается в горизонт, и понимал, что он снова и снова вспоминает, как впервые с ней познакомился – двое молодых, увлеченных исследователей в Долине царей, на раскопках древних захоронений. Отец египтолог, а мама антрополог, занятый поисками древней ДНК. Он мне эту историю, наверное, тысячу раз рассказывал.

Наше такси медленно пробиравлось по запруженным машинами набережным Темзы, как вдруг, сразу за мостом Ватерлоо, отец резко выпрямился и окликнул водителя:

– Эй, остановите-ка здесь на минутку.

Такси притормозило на набережной Виктории.

– Пап, в чем дело? – спросил я.

Но он уже выходил из машины, как будто не слышал вопроса. Мы с Сейди тоже выбрались на тротуар и встали рядом с ним. Папа, не отрываясь, глядел на Иглу Клеопатры.

На случай, если вы не знаете, что это такое, поясню: Игла – это древний обелиск в центре Лондона. На самом деле на иглу он не очень-то похож и к Клеопатре тоже никакого отношения не имеет. Думаю, когда британцы притащили его

в Лондон, они называли его так без особой причины: а что, звучно и запоминается... Высота обелиска около семидесяти футов. Может, в Древнем Египте он смотрелся грандиозно, но здесь, на берегу Темзы, в окружении высоких зданий, он выглядит маленьким и даже каким-то жалким. Можно проехать мимо него и даже не сообразить, что рядом с вами оказался памятник на тысячу лет старше самого Лондона.

– О боже. – Сейди уныло потопталась по тротуару. – Мы что, будем останавливаться у каждого памятника?

Отец смотрел на самую верхушку обелиска.

– Я должен был увидеть это место снова, – негромко сказал он. – Там, где все произошло...

С реки потянуло промозглым холодом. Мне ужасно хотелось забраться обратно в машину, но отец начал всерьез меня беспокоить. Я раньше никогда не видел его таким потеряннным.

– Что произошло, пап? – спросил я. – Что случилось на этом месте?

– Здесь я в последний раз видел ее.

Сейди перестала топтаться, в нерешительности глянула на меня, а потом перевела взгляд на отца.

– Погоди-ка. Ты имеешь в виду маму?

Отец потянулся к дочери и с нежностью погладил ее по волосам, заложив непокорную прядку ей за ухо, а Сейди так растерялась, что даже не оттолкнула его.

Я застыл, как будто холодный дождь превратил меня в ле-

дьяную статую. О маминной смерти мы не говорили никогда. Я знал только, что она погибла от несчастного случая в Лондоне. И я знал, что бабушка с дедушкой клянут за это моего отца. Вот только ни в какие подробности нас не посвящали. Сам я к отцу с расспросами не приставал, сдерживался – отчасти потому, что эти разговоры причиняли ему боль, а отчасти потому, что он наотрез отказывался что-либо рассказывать. «Потом, когда будешь постарше» – вот и все, что я от него слышал, а хуже ничего и быть не может.

– Ты имеешь в виду, что она умерла здесь, возле Иглы Клеопатры? – спросил я. – Но что тогда случилось?

Отец молча повесил голову.

– Папа! – протестующе затормошила его Сейди. – Я ведь проезжаю мимо Иглы каждый день, и выходит, что до сих пор я даже не знала?

– Твоя кошка еще у тебя? – спросил вдруг папа.

Дурацкий вопрос, прямо скажем.

– Конечно, у меня! – отозвалась Сейди. – А при чем здесь это?

– А твой амулет?

Сейди невольно потянулась рукой к шее. Когда мы были маленькие, незадолго до того, как Сейди стала жить с бабушкой и дедушкой, отец вручил нам обоим египетские амулеты. Мой назывался «Глаз Гора», который в Древнем Египте считался могущественным символом, защищающим от злых сил.

Вообще-то отец говорит, что современный символ фармацевтов, R, это упрощенное изображение того же Глаза Гора, потому что предназначение медицины – защищать и оберегать нас.

Я-то свой амулет всегда под майкой ношу, но насчет Сейди я был уверен, что она давным-давно его выкинула.

К моему большому удивлению, она кивнула.

– Конечно, папа, и амулет при мне, только не пытайся сменить тему. Бабуля с дедулей вечно талдычат, что в маминой смерти виноват ты. Это ведь неправда, да?

Мы молча ждали, что скажет отец. Кажется, впервые в жизни мы с Сейди хотели одного и того же – правды.

– В ту ночь, когда ваша мама погибла, – медленно заговорил отец, – здесь, возле Иглы...

Набережную внезапно озарила яркая вспышка. Я резко

повернулся, и перед моими полуослепшими от света глазами на мгновение мелькнули две фигуры: высокий бледный мужчина с разделенной надвое бородой, в светлых одеждах, и меднокожая девушка в просторном синем одеянии и платке – так часто одеваются женщины в Египте. Они просто стояли рядом, метрах в семи-восьми от нас, и смотрели. Затем свет померк, и фигуры растаяли в сумраке. Когда мои глаза окончательно привыкли к темноте, их уже не было.

– Эй, – окликнула нас Сейди чуть дрожащим голосом. – Вы тоже это видели?

– Полежайте-ка в машину, – сказал отец, подталкивая нас обоих к тротуару. – Мы уже опаздываем.

Продолжения мы так и не дождались.

– Здесь не место для разговоров, – резко пресек он наши попытки расспросить его о чем-то. И тут же пообещал водителю лишние десять фунтов, если ему удастся довезти нас до музея за пять минут, так что таксист лихо принялся отрабатывать чаевые.

– Пап, – снова попытался я. – Те люди на набережной...

– И еще тот толстый тип, Амос, – тут же вмешалась Сейди. – Они что, из египетской полиции?

– Слушайте, вы двое, – сказал отец. – Мне сегодня понадобится ваша помощь. Знаю, что это непросто, но вам придется потерпеть с расспросами. Я все объясню, честное слово, но только когда мы окажемся в музее. Сегодня я собираюсь все исправить.

– О чем это ты? – насторожилась Сейди. – И что именно исправить?

Я глянул на отца. Он выглядел печальным, подавленным... даже как будто виноватым. И я поежился, подумав о том, что сказала Сейди: что бабушка с дедушкой винят в маминой смерти отца. Не может быть, чтобы он имел в виду это... ведь не может?

Такси свернуло на Грейт-Рассел-стрит и затормозило у главных музейных ворот.

– Главное, держитесь рядом и во всем слушайте меня, – велел отец. – И когда встретимся со зрителем, ведите себя нормально.

Я подумал было, что с Сейди в этом случае будут проблемы – она и знать не знает, что значит вести себя нормально, но благоразумно промолчал.

Мы выбрались из такси, и я вытащил из багажника наши сумки, пока отец расплачивался с таксистом, всучив ему целый ком мятых купюр. А потом он сделал нечто странное: бросил на заднее сиденье горсть каких-то мелких камушков, что ли... я в темноте толком не разобрал.

– Поезжайте дальше, – сказал он водителю. – Отвезите нас в Челси.

Ерунда какая-то: мы ведь уже вышли из машины... но водитель послушно тронулся. Я глянул на отца, а потом снова на удаляющуюся машину, и прежде чем она успела свернуть за угол, увидел на заднем сиденье силуэты трех пассажиров:

высокого мужчины и двух подростков.

Я растерянно сморгнул. Как это таксист умудрился так быстро подобрать новых пассажиров?

– Пап...

– В Лондоне такси прямо нарасхват, – сказал он как ни в чем не бывало. – Пойдемте, дети.

И он зашагал напрямик к высоким кованым воротам. Мы с Сейди переглянулись, на секунду замешкавшись.

– Картер, что тут происходит?

Я потряс головой.

– Не знаю. И даже не уверен, что хочу знать.

– Что ж, тогда, если тебе не интересно, можешь торчать тут, на холоде, но лично я намерена выяснить все до конца!

Она развернулась и потопала следом за отцом.

Сейчас, задним числом, я понимаю, что мне следовало бежать оттуда, не оглядываясь. И Сейди надо было утащить подальше, как бы она ни сопротивлялась. Но в тот момент я просто вздохнул и нагнал ее в воротах.

2

Взрыв на Рождество

Картер

Само собой, в Британском музее мне доводилось бывать и раньше. И вообще, по правде говоря, я стараюсь помалкивать о том, сколько я перевидал всяких музеев. А то про меня станут думать, будто я на них просто помешался.

(Сейди тут вопит, что я и так чокнутый. Что ж, спасибо, сестренка.)

Музей, ясное дело, был уже закрыт и погружен в темноту, но главный смотритель и двое охранников поджидали нас у парадного входа.

– О, доктор Кейн!

Смотритель оказался жирным коротышкой в потертом дешевом костюме. У иных мумий зубов и волос и то бывает побольше, честно-честно. Он выскочил навстречу отцу и принялся трясти его за руку с таким восторгом, будто тот был

какой-нибудь рок-звездой.

– Ваша последняя статья об Имхотепе – это просто блестяще! Ума не приложу, как вам удалось расшифровать те письма!

– Им-хо... чего? – шепотом спросила Сейди.

– Имхотеп, – ответил я. – Верховный жрец и архитектор. Некоторые даже считают, что он владел магией. Это он спроектировал первую ступенчатую пирамиду. Ну, ты знаешь.

– Не знаю, – мрачно отозвалась Сейди. – И знать не хочу. Но все равно спасибо.

Отец вежливо поблагодарил зрителя за то, что тот согласился встретиться с нами в сочельник, а затем чуть подтолкнул нас вперед, положив руки на плечи.

– Доктор Мартин, позвольте представить вам Картера и Сейди.

– А! Ваш сын, сразу видно! А эта юная леди?... – и зритель нерешительно посмотрел на Сейди.

– Моя дочь, – сказал папа.

Доктор Мартин на мгновение опешил, я это сразу заметил. Люди обычно считают, что они ведут себя вежливо и вообще чужды условностей, но я-то вижу, как на их лицах проглядывает смущение, когда они узнают, что Сейди из нашей семьи. Поначалу меня это просто доводило, но со временем я привык и другого уже не жду.

Зритель снова заулыбался.

– Ну конечно же, разумеется! Доктор Кейн, прошу вас,

проходите. Такая честь для нас, такая честь!

Охранники заперли дверь, а потом услужливо подхватили наш багаж. Один из них потянулся к папиной сумке с инструментами.

– Нет-нет, не стоит, – тут же сказал отец, натянуто улыбаясь. – Это я оставляю при себе.

Охранники остались в вестибюле, а мы зашагали вслед за смотрителем в Большой двор. Ночью тут оказалось жутковато. Струящийся сквозь стеклянный купол тусклый свет порождал на стенах сетку перекрещивающихся теней, похожую на исполинскую паутину. Наши шаги гулко отдавались по белому мрамору пола.

– Итак, – прервал молчание отец, – мы с вами говорили о камне.

– Да-да, конечно! – закивал смотритель. – Хоть и не могу себе представить, что еще нового вы сможете из него вытянуть. Уж вроде бы его и так изучили вдоль и поперек – еще бы, это же наш самый знаменитый экспонат!

– Не спорю, – согласился отец. – Но иногда, знаете ли, случаются и сюрпризы.

– А сейчас-то они о чем толкуют? – зашептала мне на ухо Сейди.

Я промолчал. У меня возникли кое-какие догадки насчет того, о каком именно камне идет речь, но я никак не мог взять в толк, чего ради отец потащил нас сюда в канун Рождества смотреть на него.

Я все раздумывал о том, что именно он собирался сказать нам про Иглу Клеопатры – что-то про нашу маму и ту ночь, когда она умерла. И еще о том, почему отец все время озирается – как будто ждет, что те странные люди, которых мы увидели возле Иглы, появятся снова. Да только откуда им тут взяться? Мы же были заперты в музее с многочисленной охраной и самой современной системой сигнализации. Никто не мог нас здесь побеспокоить... По крайней мере, я очень на это надеялся.

Мы повернули налево, в крыло, где располагался отдел Древнего Египта. Повсюду вдоль стен высились массивные статуи фараонов и разнообразных египетских божеств, но отец не обращал на них внимания: он шагал напрямик к главному экспонату, выставленному посреди зала.

– Прекрасно, прекрасно, – пробормотал отец. – Это оригинал, я полагаю?

– Да-да, разумеется, – закивал смотритель. – Обычно мы выставляем на экспозиции копию, но для вас приготовили подлинник.

Мы дружно воззрились на неровный обломок темно-серой каменной плиты, размером примерно фута три в высоту и два в ширину. Она стояла вертикально на невысоком постаменте, заключенном в стеклянную витрину. Плоская поверхность плиты была испещрена выбитыми в ней письменами, которые делились на три яруса. Самая верхняя надпись была сделана древнеегипетскими иероглифами, средняя...

тут мне пришлось хорошенько порыться в памяти, чтобы вспомнить, как отец называл это письмо: демотическое. Оно возникло в то время, когда Египтом правили греки, и египетский язык обогатился множеством греческих слов. Нижние строки были выгравированы на древнегреческом.

– Розеттский камень, – проговорил я.

– А разве это не программа для изучения иностранных языков?² – удивилась Сейди.

Я чуть вслух не обозвал ее душой, но зритель вовремя прервал меня нервным дребезжащим смешком:

– Помилуйте, юная леди, Розеттский камень в свое время стал главным ключом к расшифровке египетских иероглифов! Наполеоновская армия обнаружила его в 1799 году, после чего...

– А, точно, – торопливо сказала Сейди. – Теперь я вспомнила.

Я знал, что она сказала это просто так, чтобы он отвязался, но тут просветительскую инициативу перехватил отец.

– Понимаешь, Сейди, – сказал он, – до того как был найден этот замечательный камень, простым смертным... то есть, я имею в виду, никому из людей не удавалось расшифровать египетские иероглифы, хотя ученые бились над ними столетиями. Египетская письменность превратилась в абсолютно мертвый, никому не ведомый язык. Затем англича-

² Сейди имеет в виду широко известную программу «Rosetta Stone», разработанную для изучения иностранных языков с помощью компьютера.

нин по имени Томас Янг сумел доказать, что на Розеттском камне начертано одно и то же послание на трех языках. После этого за дело принялся французский лингвист Шампольон. Он-то и взломал наконец иероглифический код древних египтян.

Сейди равнодушно почавкала жвачкой.

– Ну и о чем в нем говорится, в этом послании?

– Да ничего особенного, – пожал плечами отец. – По сути дела, это благодарственное письмо нескольких жрецов тогдашнему царю, Птолемею V. Сама по себе гравировка на этом камне не представляет большой исторической ценности, но со временем... За долгие века Розеттский камень превратился в могущественный символ, олицетворяющий неразрывную связь между Древним Египтом и современным миром. Как глупо, что я раньше не догадался о том, какой потенциал в нем кроется.

Отец отрешенно умолк, явно позабыв и обо мне, и о зрителе.

– Доктор Кейн? – встревоженно окликнул его коротышка. – С вами все в порядке?

Отец сделал глубокий вдох и очнулся.

– Прошу прощения, доктор Мартин. Я просто... немного задумался. А можно попросить вас убрать стекло? И не могли бы вы принести те документы из музейных архивов, о которых я вас спрашивал...

Доктор Мартин кивнул, достал небольшой пульт дистан-

ционного управления и нажал на нем какую-то кнопку. Переднее стекло витрины со щелчком отошло в сторону.

– Мне понадобится несколько минут, чтобы разыскать те записи, – сказал смотритель. – Признаться, эта ваша просьба... будь на вашем месте любой другой, я бы не решился оставить его рядом с неохраняемым бесценным экспонатом. Надеюсь, вы оправдаете мое доверие и будете предельно аккуратны с ним.

И он сурово глянул на нас с сестрой, как будто уже уличил нас в нарушении порядка.

– Не беспокойтесь, мы будем очень осторожны, – заверил его папа.

Как только шаги доктора Мартина стихли в отдалении, отец повернулся к нам, и я увидел, как его глаза лихорадочно заблестели.

– Дети, теперь слушайте меня внимательно. Это очень важно!

Он скинул с плеча свою сумку, расстегнул молнию и вытащил велосипедную цепь с замочком.

– Ступайте за доктором Мартином до его кабинета. Увидите, он находится в дальнем конце Большого двора, с левой стороны. Вход в него только один. Как только смотритель войдет внутрь, обмотайте этой цепью дверные ручки и запирайте замок. Нам нужно во что бы то ни стало задержать его.

– Хочешь запереть его в собственном кабинете? – внезап-

но оживилась Сейди. – Вот это круто!

– Пап, – сказал я, – что ты задумал?

– У нас нет времени на объяснения, – ответил он. – Это наш последний шанс. Они уже близко.

– Кто близко? – тут же встряла Сейди.

Отец схватил Сейди за плечи.

– Милая моя, я очень тебя люблю. И сожалею... сожалею об очень многом. Но сейчас у нас нет времени на разговоры. Если сегодня у меня получится, я обещаю, что все-все исправлю и наша жизнь пойдет по-новому. Картер, сынок, я на тебя рассчитываю. Ты должен доверять мне. Запомните: вам нужно запереть доктора Мартина. А потом держитесь подальше от этого зала!

Запереть зрителя оказалось проще простого. Но едва управившись с цепочкой, мы оглянулись назад, в ту сторону, откуда пришли, и увидели, что из Египетской галереи льется яркий голубой свет, как будто отец установил там гигантский аквариум с подсветкой.

Сейди уставилась на меня.

– Скажи честно, ты хоть чуть-чуть понимаешь, что тут происходит?

– Ничегошеньки, – отозвался я. – Но отец вообще последнее время ведет себя странно. И много думает о маме. Все время смотрит на ее фотографию...

Большого мне говорить не хотелось. К счастью, мне и не

пришлось: Сейди с серьезным видом кивнула, как будто поняла, что я имел в виду.

– А что у него в той сумке? – спросила она.

– Не знаю. Он не велел мне в нее заглядывать.

Сейди насмешливо приподняла бровь.

– И ты ни разу не попытался? Боже, Картер, ты просто безнадежен.

Мне хотелось сказать что-то в свою защиту, но тут у нас под ногами задрожал пол.

Сейди вздрогнула и схватила меня за локоть.

– Он велел нам не ходить туда. Наверно, сейчас ты снова хочешь быть послушным мальчиком?

Вообще-то, в данный момент я бы в самом деле с удовольствием послушался отца, но Сейди уже мчалась в сторону зала с Розеттским камнем, так что после секундного колебания я ринулся следом за ней.

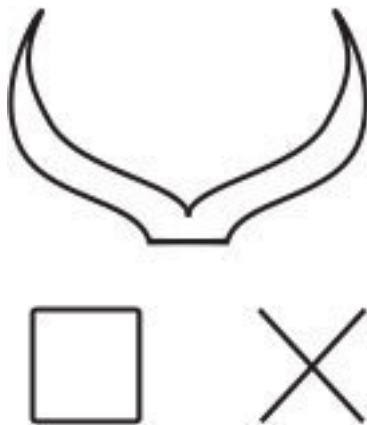
Добежав до входа в Египетскую галерею, мы застыли как вкопанные. Отец стоял перед Розеттским камнем спиной к нам, а вокруг его ног светился яркий голубой круг, как будто зажглись скрытые в полу неоновые трубки.

Пальто отца валялось в стороне. Рабочая сумка лежала у его ног открытая, и из нее высовывался деревянный ящик длиной в два фута, расписанный египетскими фигурками.

– Что это у него в руке? – шепотом спросила Сейди. – Бумеранг, что ли?

И верно: отец сжимал в руке какую-то изогнутую белую палку, в самом деле здорово похожую на бумеранг. Но вместо того, чтобы метнуть ее, отец коснулся ею Розеттского камня. Я услышал судорожный вздох Сейди и увидел: отец писал на камне. Там, где бумеранг касался гранитной плиты, на ней возникали голубые светящиеся знаки... Иероглифы.

Бред какой-то. Как можно сделать на камне светящуюся надпись какой-то палкой? Однако я ясно видел возникший иероглиф: рога барана, а под ними – квадрат и крест.

– Откройся, – прошептала Сейди.

Я покосился на нее: звучало так, будто она просто перевела написанный знак. Только такого быть не могло, конечно. Даже я, годами болтавшийся рядом с отцом, мог прочесть

от силы несколько иероглифов. Египетскому письму не так просто научиться.

Отец воздел руки вверх и пропел: «Во-сиир, и-еи». И на поверхности камня тут же засветились еще два иероглифа.

Несмотря на все потрясение, первый знак я распознал: он означал имя египетского бога смерти.

– Во-сиир, – прошептал я. Не слышал раньше, чтобы это слово произносили так странно, но я его узнал. – Осирис.

– Осирис, приди, – проговорила Сейди как в трансе, и вдруг ее глаза расширились от ужаса.

– Нет! – закричала она. – Папа, нет!

Отец в изумлении оглянулся.

– Дети... – начал он, но было уже поздно. Земля задрожала, голубой свет превратился в слепящее белое сияние, и Розеттский камень взорвался.

Когда я снова пришел в себя, то первое, что я услышал, был хохот – жуткий, леденящий душу ликующий хохот, заглушавший даже вой охранной сигнализации.

Чувствовал я себя так, словно по мне проехался трактор. Я кое-как сел, потряс головой, пытаюсь избавиться от звона в ушах, сплюнул оказавшийся у меня во рту осколок камня и огляделся. Галерея лежала в руинах. Статуи повалились, саркофаги послетали со своих постаментов, где-то на полу что-то догорало. Осколки Розеттского камня разлетелись с чудовищной силой, побив как шрапнелью стены, колонны и музейные экспонаты.

Сейди неподвижно лежала рядом со мной, но вроде была цела. Я потряс ее за плечо, она что-то буркнула и пошевелилась.

Прямо перед нами, где раньше находился Розеттский камень, дымился опустевший постамент. Черное пятно копоти расплзлось от него по полу, однако не затронуло голубого круга, по-прежнему сияющего вокруг отца.

Сейчас он стоял к нам лицом, но смотрел куда-то поверх наших голов. По его щеке струилась кровь из раны на голове, рука крепко сжимала бумеранг.

Я никак не мог понять, куда он смотрит. Но тут кошмарный хохот раздался снова, и до меня дошло, что его источник находится прямо передо мной.

Кто-то стоял между нами и отцом. Поначалу я ничего не

мог разглядеть – только колебания теплого воздуха. Но когда мне удалось сосредоточиться, моим глазам предстала зыбкая пламенеющая человеческая фигура.

Этот человек был заметно выше отца, а его хохот терзал мои уши, как визг бензопилы.

– Молодец, – сказал он, обращаясь к моему отцу. – Отличная работа, Джулиус.

– Я тебя не призывал! – крикнул отец, и я услышал дрожь в его голосе.

Он поднял свой бумеранг, но тот огненный человек резко взмахнул пальцем, и палка вылетела из папиных рук, с треском ударилась о стену и разлетелась в щепки.

– Меня никогда не призывают, Джулиус, – насмешливо фыркнул он. – Но если берешься открывать дверь, будь готов к тому, что к тебе могут пожаловать и незваные гости.

– Убирайся обратно в Дуат! – рявкнул отец. – Со мной сила Великого Царя!

– Ой, как страшно, – отозвался тот со смешком. – Даже если бы ты умел пользоваться этой силой, – а я знаю, что ты не умеешь, – твой царь мне не соперник. Я всегда был и буду сильнее прочих. А ты теперь поделишь его судьбу.

Я совершенно ничего не понимал, кроме того, что отца нужно спасать. Я хотел дотянуться до ближайшего обломка камня, но руки у меня с перепугу словно онемели. Я и пальцем шевельнуть не мог.

Отец молча метнул в меня предостерегающий взгляд, го-

ворящий: «Вон отсюда». Я догадался, что он нарочно приковыляет к себе все внимание огненного человека в надежде, что мы с Сейди сумеем проскользнуть у него за спиной.

Сейди все никак не могла полностью прийти в себя. Я потащил ее за колонну, поглубже в тень. Она попыталась что-то там возражать, но я попросту зажал ей рот ладонью. От такой наглости моя сестричка тут же пришла в чувство, увидела, что творится, и перестала сопротивляться.

Сирены все не умолкали, над входами в галерею мигали красные аварийные лампы. Вот-вот прибежит охрана, и я сильно сомневался, что она кинется нам помогать.

Отец присел, не сводя глаз с врага, открыл свой расписной деревянный ящик и вынул из него небольшую палочку, похожую на линейку. Он что-то негромко пошептал над ней, и линейка стала на глазах расти, превратившись в длинный посох ростом с человека.

Сейди сдавленно пискнула. Я тоже не мог поверить своим глазам, но дальше все пошло еще удивительнее.

Отец бросил этот посох к ногам огненного человека, и палка превратилась в огромную змею – футов десять в длину и толщиной чуть ли не с меня, – с блестящей медной чешуей и пылающими красными глазами. Змея бросилась на огненного пришельца, но тот без всяких усилий ухватил ее за шею. Его рука полыхнула раскаленным белым пламенем, и змея рассыпалась в пепел.

– Старый трюк, Джулиус, – проворчал он с укоризной.

Отец снова глянул на нас, молча приказывая уносить ноги. Но я оцепенело таращился на происходящее, отказываясь верить, что вижу это на самом деле. Кажется, часть меня упорно цеплялась за мысль, что я все еще лежу без сознания и мне мерещатся кошмары. Сейди рядом со мной подобрала и сжала в кулаке обломок камня.

– Сколько вас? – быстро спросил отец, стараясь отвлечь внимание огненного человека на себя. – Скольких я выпустил?

– Ну как же, всех пятерых, – сказал человек снисходительно, словно разъяняя что-то несмышленому ребенку. – Тебе следовало бы знать, Джулиус, что мы всегда идем полным комплектом. Теперь я освобожу еще многих, и они будут мне очень благодарны. Меня снова провозгласят царем.

– Дни Демонов, – сказал отец. – Они успеют остановить тебя прежде, чем ты сотворишь непоправимое.

Огненный человек расхохотался.

– Кто сможет остановить меня? Дом? Да эти старые дурни даже между собой никак не разберутся! Нет уж, теперь история будет переписана заново. И на этот раз тебе никогда не воскреснуть!

Огненный человек взмахнул рукой, и синий круг у ног отца потемнел и погас. Отец потянулся к своему ящику, но тот быстро скользнул в сторону.

– Прощай, Осирис, – сказал огненный человек.

Быстрым мановением руки он сотворил вокруг отца све-

тящийся кокон, похожий на гроб. Поначалу он выглядел прозрачным, и я видел, как отец бьется внутри него, но потом стал делаться все более и более плотным, пока не превратился в золотой, украшенный самоцветами египетский саркофаг. Отец успел в последний раз перехватить мой взгляд, и я увидел по его губам, что он неслышно кричит мне «Бегите!», прежде чем золотой гроб утонул в полу, как будто мрамор сделался водой.

– Папа! – закричал я.

Сейди метнула свой камень, но он без помех пролетел сквозь голову огненной фигуры.

Пришелец повернулся, и на какой-то страшный миг в пламени проявилось его лицо. И снова я увидел какую-то ерунду: как будто два изображения наложились друг на друга: одно – почти человеческое лицо с бледной кожей, жестокими резкими чертами и горящими красными глазами, и второе – звериная морда с темной шерстью и оскаленными клыками. Страшнее собаки, или волка, или даже льва – никогда не видел ничего подобного. Красные глаза уставились на меня, и я понял, что мне конец.

Где-то позади раздался гулкий топот шагов по мраморному полу Большого двора, донеслись отрывистые команды. Должно быть, музейная охрана, а то и полиция... но было ясно, что вовремя они сюда не добегут.

Огненный человек ринулся на нас, но, когда он был уже всего в нескольких дюймах от меня, его будто что-то оттолк-

нуло. Воздух затрещал, как от электрического разряда, посыпались искры. Амулет у меня на шее раскалился, больно обжигая кожу.

Огненный человек замер чуть в отдалении, глядя на меня с некоторой опаской, и прошипел:

– Так, значит, это ты...

Здание снова содрогнулось. Стена в дальнем конце зала с ослепительной вспышкой света взорвалась, и из пролома выступили двое: мужчина и девушка, которых мы видели перед этим возле Иглы Клеопатры. Их одежды развевались, как от сильного ветра, и оба они держали в руках посохи.

Огненный человек досадливо рыкнул и, напоследок смерив меня взглядом, бросил:

– Уже скоро, мальчишка.

Огонь внезапно объял весь зал. Нестерпимый жар высосал весь воздух из моих легких, и я рухнул на пол.

Последнее, что я помню, – это как человек с раздвоенной бородой и девушка в синем склонились надо мной. Я уже слышал топот и крики охраны, все ближе и ближе. Девушка присела, вынимая из-за пояса длинный кривой кинжал.

– Нужно действовать быстро, – сказала она мужчине.

– Не стоит слишком торопиться, – ответил тот с некоторой неохотой. Его сильный акцент выдавал в нем француза. – Чтобы их уничтожить, действовать нужно наверняка.

Я закрыл глаза и провалился в темноту.

3

В заточении с кошкой

Сейди

(А ну дай сюда этот чертов микрофон.)

Привет. Это Сейди. Рассказчик из моего братца никудышный, уж извините. Дальше говорить буду я, так что все в порядке.

Итак, на чем мы остановились? Ага, взрыв. Розеттский камень разносит в крошку, потом является тот кошмарный огненный тип. Папа бьется в саркофаге и исчезает, невесть откуда берется стремная парочка – бородатый француз и арабская девушка с ножом, мы отключаемся. Все верно.

Когда я очухалась, на нас, само собой, тут же навалилась полиция. Нас с Картером развели по разным комнатам. Я не

сильно расстроилась: не парень, а сплошная головная боль. Но они заперли меня в кабинете смотрителя на целые годы, да еще воспользовались для этого нашей же велосипедной цепью. Кретины несчастные.

Даже не спрашивайте, чувствовала я себя отвратительно. На меня напал огненный невесть кто, да еще мне пришлось увидеть, как папу сунули в золотой гроб, который потом провалился под землю. Я пыталась рассказать обо всем этом полиции, но разве их интересует по-настоящему важная информация? Нет, конечно.

И самое противное: затылок у меня окоченел, как будто кто-то насовал мне под кожу ледяных иголок. Это началось еще в тот момент, когда я смотрела, как папа пишет на Розеттском камне светящиеся голубые знаки, а главное, что я понимала их значение. Может, у меня какая-нибудь наследственная болезнь, а? Неужели пристрастие к этой тоскливой египетской мути может передаваться от родителей к детям? Тогда мне сильно не повезло.

Жвачка уже давным-давно успела стать безвкусной, когда тетка из полиции наконец сподобилась явиться за мной в кабинет того музейного коротышки. Никаких вопросов она задавать не стала, просто отволокла меня в полицейскую машину и отвезла домой. И даже там мне не дали поговорить с бабулей и дедулей, а втолкнули меня в мою комнату и оставили ждать. Ну я и ждала, ждала...

Терпеть не могу ждать, просто ненавижу.

От нетерпения я все ноги стоптала, кружа по комнате. Комната у меня так себе, не больно шикарная: тесноватая мансарда с одним окном, кроватью и письменным столом. Особо не развернешься. Пышка подбежала, обнюхала мои ноги, и хвост у нее тут же встал торчком и распушился, как бутылочный ершик. Надо думать, она не фанатка музейных запахов. Фыркнула, зашипела и шмыгнула под кровать.

– Вот уж спасибо, – буркнула я.

Я открыла дверь, но оказалось, что там на страже торчит все та же тетка-полицейский.

– Инспектор скоро к вам подойдет, – сообщила она. – Оставайтесь в комнате, пожалуйста.

Я только и успела разглядеть, мельком глянув вниз, что дед нервно нарезает круги по гостиной, заламывая руки, а Картер на диване общается с полицейским. О чем они говорили, было не слышно.

– Ну хоть в уборную сходить можно? – обратилась я к своей тюремщице.

– Нет, – отрезала эта милейшая дама и захлопнула дверь прямо у меня перед носом. Как будто я взорву унитаз и сбегу, честное слово.

Я выкопала из кармана свой iPod, прокрутила плей-лист. Нет, ничего слушать не хочется. Я с отвращением швырнула плеер на кровать. Если уж меня на музыку не тянет, значит, дело дрянь. Интересно, почему это Картеру дали поговорить с полицией первым. Не очень-то честно, по-моему.

Я рассеянно теребила в руках кулончик, который мне подарил папа. До сих пор я как-то не задумывалась, что означает этот символ. Талисман Картера точно был похож на глаз, а мой – не то на ангела, не то на инопланетного робота-убийцу.

И с чего вдруг папе вздумалось интересоваться, сохранила ли я его? Ясное дело, сохранила. Это ведь его единственный подарок. Конечно, не считая Пышки, но учитывая, как эта поганка себя ведет, я бы не сказала, что из нее получился такой уж прям идеальный подарок.

Скажу честно, если называть вещи своими именами, то отец попросту бросил меня, когда мне было шесть лет. И этот амулет – единственное, что у меня от него осталось. В удачные дни я могу подолгу разглядывать его и с любовью вспоминать папу, а в мрачные дни, которые случаются гораздо

чаще, я иногда швыряю его через всю комнату, топчу ногами и проклиная отца за то, что его нет рядом, когда он так нужен. Кстати, очень поднимает настроение. Но в конце концов я всегда снова надеваю амулет на шею.

И знаете что? В музее, когда начались все эти странности, амулет стал нагреваться. Правда, я не вру. Я даже хотела его снять, но все-таки не сняла, подумав: а вдруг он и в самом деле каким-то образом меня защищает?

«Я все исправлю», – сказал отец. И вид у него при этом был виноватый, как обычно, когда он приезжал ко мне.

Да уж, папа. Провал вышел капитальный.

Интересно, о чем он думал? Мне больше всего хотелось верить, что все произошедшее было лишь кошмарным сном: все эти светящиеся иероглифы, громадная змея, золотой гроб. Ведь ничего такого по правде не бывает, верно? Но я знала, что все это случилось на самом деле. В жизни не видела ничего ужаснее, чем лицо того огненного человека, когда он обернулся к нам. «Уже скоро, мальчишка» – так он сказал Картеру. Как будто собирался преследовать нас. От одной этой мысли у меня руки затряслись. И еще я не переставая думала о той нашей остановке около Иглы Клеопатры. Отец так настойчиво хотел ее увидеть... Может, храбрости набирался? Тогда, возможно, все, что он натворил в Британском музее, имело отношение к моей маме?

Блуждая взглядом по комнате, я уставилась на собственный письменный стол.

«Ну уж нет, – подумала я. – Этого я делать не стану».

Но все-таки я направилась к столу и открыла ящик. Пришлось вытряхнуть из него парочку старых журналов, значку конфет, кипу домашних заданий по математике, до которых не доходили руки, и наши фотографии с Лиз и Эммой, моими подружками, где мы примеряем всякие прикольные шляпы на блошином рынке в Камдене³. Из-под всего этого хлама я вытащила мамину фотографию.

У бабушки с дедушкой целые завалы фотографий. В серванте в холле у них чуть ли не алтарь устроен: мамыны детские рисунки, школьные каракули с отметками (двоек у нее было полно, кстати), выпускные университетские фотографии, любимые побрякушки и все такое. По-моему, тут они уже перегнули палку, честное слово. Прямо безумие какое-то. Я твердо решила, что не буду такой, как они, не стану цепляться за прошлое. Да и, по правде сказать, я плохо помню маму, и тот факт, что она умерла, все равно не изменить.

Но одну фотографию я все-таки себе оставила. На ней мама и новорожденная я, в нашем доме в Лос-Анджелесе. Мама стоит на балконе, перед ней простирается Тихий океан, а она держит в руках сморщенного пухлого младенца – меня то есть. Младенец так себе, ничего особенного, а вот мама выглядит просто потрясающе, даже в заношенных шортах и майке. Глаза у нее синие, как море, светлые волосы сколоты

³ Камден-таун – один из районов Лондона, центр неформальной культуры; знаменит своими блошиными рынками.

на затылке. До чего же у нее чудесная кожа, не то что у меня. Мне часто говорят, что я вылитая мама, но меня эти чертovy прыщи уже достали, а она такая свежая, такая красивая! Хоть бы когда-нибудь стать на нее похожей.

(Прекрати ухмыляться, Картер.)

Я очень дорожила этой фотографией, потому что совсем не помнила, как это было, когда мы жили вместе. Но самая главная причина, по которой я ее хранила, заключалась в символе, нарисованном на маминой майке: египетский знак жизни – анх.

Моя умершая мама с символом жизни на груди. Печальная штука, если вдуматься. Но она улыбалась, глядя в объектив, как будто знала какой-то очень важный секрет. Как

будто у них с отцом была какая-то своя тайная шутка, известная только им двоим.

И тут у меня словно что-то щелкнуло в голове: ведь тот толстяк в длинном пальто, с которым папа ругался на улице, тоже что-то говорил про «Пер Анх».

Если он имел в виду тот самый анх, то тогда что такое «пер»?

Почему-то мне подумалось, что если я увижу слова «Пер Анх», написанные иероглифами, то я пойму, что они означают.

Я сунула мамину фотографию обратно в ящик, схватила ручку и перевернула листок с заданием по математике обратной, чистой стороной вверх. Интересно, что получится, если я попытаюсь изобразить слова «Пер Анх» на бумаге?

Но едва я занесла ручку над страницей, дверь комнаты внезапно открылась.

– Мисс Кейн?

Я резко обернулась, уронив ручку.

В дверях, сурово хмурясь, торчал полицейский инспектор.

– Чем это вы занимаетесь?

– Математику делаю, – буркнула я.

Потолок у меня в комнате низкий, так что инспектору пришлось пригнуться, чтобы войти. Красавчик: помятый блеклый костюмчик, седые волосы, пепельно-серое обрюзгшее лицо.

– Итак, Сейди, я старший инспектор Уильямс. Давайте немного побеседуем с вами, не возражаете? Может, присядем?

Я садиться не стала, так что ему тоже пришлось стоять, и это ему сильно не понравилось. Конечно, трудно выглядеть грозным стражем порядка, если ты вынужден все время горбиться, как Квазимодо.

– Расскажите мне, пожалуйста, все по порядку, – сказал он. – Начиная с того момента, когда отец приехал за вами сюда.

– Я уже все рассказала полиции в музее.

– Расскажите еще раз, если вам не трудно.

Ну, я рассказала ему все заново, почему бы нет. К тому моменту, когда я дошла до светящихся иероглифов и гигантской змеи, брови у него доползли почти что до макушки.

– Ясно, Сейди, – сказал наконец инспектор. – Воображение у вас выдающееся.

– Я не вру, инспектор. А ваши брови, кажется, скоро совсем сбегут.

Он невольно завел глаза вверх, пытаясь увидеть собственные брови, но тут же встряхнулся и насупился.

– Хорошо, Сейди, я понимаю, как это все для вас тяжело. Не сомневаюсь, вы пытаетесь спасти репутацию отца. Но его больше нет...

– В том смысле, что он провалился в саркофаге сквозь пол? Он ведь не умер.

Инспектор Уильямс развел руками.

– Сейди, мне очень жаль. Но мы непременно должны выяснить, почему он совершил этот акт... хм...

– Какой еще акт?

Инспектор смущенно прокашлялся.

– Ваш отец уничтожил бесценный музейный экспонат и при этом вольно или невольно убил самого себя. Нам очень важно понять, почему он это сделал.

Я уставилась на него.

– Хотите сказать, что мой отец – террорист? Вы что, спятили?

– Мы обзвонили некоторых знакомых вашего отца. С их слов я понял, что после гибели вашей матери его поведение очень изменилось, сделалось непредсказуемым. Его страсть к работе стала навязчивой, он все больше и больше проводил времени в Египте...

– Так он же египтолог, черт подери! А вам лучше заняться его поисками, а не тратить время на идиотские вопросы!

– Сейди, – сказал инспектор терпеливо, но по его голосу я догадалась, что он уже готов меня придушить. (Странно, почему-то взрослые часто так на меня реагируют.) – В Египте существуют экстремистские группировки, недовольные тем, что многие ценнейшие египетские древности хранятся в зарубежных музеях. Мы не исключаем, что эти люди вышли на вашего отца. Учитывая его состояние, он легко мог подпасть под их влияние. Возможно, он упоминал при вас какие-то

имена...

Я метнулась мимо него к окну и прижалась лбом к стеклу. Меня прямо трясло от злости, мысли путались. Я категорически отказывалась верить, что папа погиб. Нет, нет и нет. А что он террорист? Бред. Ну почему все взрослые такие тупые? Вечно твердят «не лги, говори правду», а когда выкладываешь им все начистоту, они отказываются верить. Чего же им тогда надо?

Я мрачно таращилась на улицу. Вдруг покалывание ледяных иголок в затылке сделалось еще сильнее. Я внимательно пригляделась к сухому дереву, где несколько часов назад встретила с отцом, и увидела: прямо под ним, едва различимый в тусклом свете уличных фонарей, стоял все тот же приземистый толстяк в длинном черном пальто, круглых очках и фетровой шляпе, которого папа называл Амос. Стоял и смотрел прямо на меня.

Вроде бы стоило испугаться, что какой-то незнакомый мужик пялится на меня из темноты, но мне почему-то не было страшно. Он выглядел таким встревоженным... и к тому же до боли знакомым. Я чуть не рехнулась, мучительно пытаюсь вспомнить, откуда же я его знаю.

Инспектор за моей спиной прочистил горло.

– Сейди, никто не обвиняет вас в нападении на музей. Мы прекрасно понимаем, что вы оказались там по принуждению.

Я резко повернулась к окну спиной.

– По принуждению? Но я же сама заперла смотрителя в его кабинете.

Брови инспектора снова поползли вверх.

– Даже если так, уверен, что вы не понимали до конца, что задумал ваш отец. Может быть, ваш брат был его сообщником?

– Картер? – фыркнула я. – Да бросьте.

– Значит, вы намерены выгораживать и его тоже. Скажите, вы считаете его своим родным братом?

Я ушам своим не верила. Так бы и вцепилась в его мерзкую физиономию.

– На что это вы намекаете? Что он не похож на меня? Что у него кожа другого цвета?

Инспектор растерянно сморгнул.

– Я просто имел в виду...

– Я знаю, что вы имели в виду. Разумеется, он мой родной брат!

Инспектор Уильямс сложил ручки в извиняющемся жесте, но у меня внутри все так и клокотало от ярости. Как бы Картер меня ни бесил, я просто ненавижу, когда люди не верят, что мы с ним родные брат и сестра, или начинают косо поглядывать на папу, когда он сообщает, что мы все трое – одна семья. Как будто мы сделали что-то плохое! Сначала тот тип из музея, доктор Мартин, а теперь и инспектор Уильямс. Да это случается каждый раз, когда мы где-то оказываемся все вместе. Каждый чертов раз!

– Простите меня, Сейди, – сказал инспектор. – Я просто добиваюсь, чтобы мы четко различали виновных и невиновных. Для всех будет гораздо лучше, если вы согласитесь нам помочь. Подумайте хорошенько. Нам пригодится любая информация. Все, о чем говорил ваш отец. Любые имена, которые он называл.

– Амос, – выпалила я, просто чтобы взглянуть на его реакцию. – Сегодня он встречался с человеком по имени Амос.

Инспектор утомленно вздохнул.

– Сейди, он никак не мог с ним встретиться, и вам это прекрасно известно. Мы говорили по телефону с этим Амосом меньше часа тому назад. Он у себя дома, в Нью-Йорке.

– В каком еще Нью-Йорке! – возмутилась я. – Да он сейчас прямо...

Я снова выглянула в окно. Разумеется, никакого Амоса там уже не было. Все как всегда.

– Просто невозможно, – сказала я.

– Вот именно, – кивнул инспектор.

– Но он же был здесь! – воскликнула я. – Кто он вообще такой? Кто-нибудь из папиных коллег? Откуда вы узнали, по какому номеру ему звонить?

– Сейди, хватит. Пора заканчивать этот спектакль.

– Спектакль?

Инспектор смерил меня изучающим взглядом, а потом решительно выпятил подбородок. Видно, принял какое-то решение.

– Картер уже рассказал нам, как все было на самом деле. Неприятно вас огорчать, но он уже понял, что упорствовать, продолжая выгораживать вашего отца, бессмысленно. Вы тоже можете оказать помощь следствию, и тогда мы не станем выдвигать против вас обвинение.

– Не смейте обманывать ребенка! – завопила я, надеясь, что внизу меня тоже услышат. – Картер никогда не станет наговаривать на папу, и меня вы тоже не заставите!

Инспектору не хватило вежливости даже на то, чтобы изобразить смущение. Вместо этого он решительно скрестил руки на груди и заявил:

– Мне очень жаль, Сейди, что вы так это воспринимаете. Боюсь, нам с вами пора спуститься вниз... и обсудить последствия вашего поведения с вашими опекунами.

4

Семейное похищение

Сейди

Обожаю тихие семейные праздники. Сочельник, рождественские гирлянды над камином, горячий чай с печеньем, детектив из Скотленд-Ярда, уже приготовивший наручники... Сплошной уют.

Картер приткнулся на диване, прижимая к груди отцовскую сумку. Меня удивило, что полиция не забрала ее сразу же. Это же наверняка вещественное доказательство или что-нибудь в этом роде, но инспектор как будто вообще не обратил на нее внимания.

Видок у Картера был тот еще – в смысле, даже хуже, чем обычно. С ним все ясно – он ведь никогда не ходил в шко-

лу и одевался не как нормальный парень, а как маленький профессор: брюки цвета хаки, рубашка с пристегивающимся воротничком, мягкие мокасины. Вообще-то он ничего, не то чтобы урод. Рост и сложение у него вполне нормальные, да и волосы не так уж безнадежны. Глаза у него темные, как у папы, а мои подружки Лиз и Эмма сказали как-то, глядя на его фотографию, что он симпатяга. Я, правда, тогда отнеслась к этому скептически, потому что, во-первых, он мой брат, а во-вторых, подружки у меня малость с приветом. Ну а что касается умения одеваться, то с этим у Картера совсем беда.

(И нечего на меня так смотреть, Картер. Ты и сам знаешь, что это правда.)

Впрочем, не стоило сейчас к нему придирааться. На него папино исчезновение подействовало еще сильнее, чем на меня.

Бабушка и дедушка сидели по сторонам от него и выглядели очень взволнованно. Чайник и блюдо с печеньем так и стояли на столе нетронутыми. Старший инспектор Уильямс указал мне на свободный стул и велел садиться, а потом принялся с важным видом расхаживать туда-сюда вдоль камина. Еще двое полицейских торчали около входной двери: уже знакомая мне тетка и плечистый здоровяк, не сводивший глаз с печенья.

– Мистер и миссис Фауст, – начал инспектор Уильямс. – К моему крайнему огорчению, ваши внуки упорствуют в своем нежелании оказать помощь следствию.

Бабушка сидела, нервно теребя подол своего платья. Мне иногда трудно поверить, что наша мама – ее родная дочь. Бабушка вся сухая и блеклая, как увядшее растение, а мама на всех фотографиях выглядит такой цветущей и жизнерадостной.

– Они всего лишь дети, – выдавила она из себя. – Нельзя судить их слишком строго.

– Пф! – громко фыркнул дед. – Инспектор, это просто смешно. Они ни в чем не виноваты.

Мой дед раньше играл в регби. Руки у него здоровенные, как бычьи окорока, и пузо такое, что на нем еле сходятся рубашки. Смотрит он всегда исподлобья, как будто кто-то вогнал ему глаза глубоко под брови (вообще-то отец однажды действительно врезал ему кулаком по физиономии, но это совсем другая история). В общем, внешность у деда довольно устрашающая. Обычно люди стараются не становиться ему поперек дороги, но на инспектора Уильямса грозный дедушкин вид особого впечатления не произвел.

– Мистер Фауст, – сказал он, – как вы представляете себе завтрашние газетные заголовки? «Нападение на Британский музей. Розеттский камень уничтожен». Вашего зятя...

– Бывшего зятя, – рыкнул дед.

– ...скорее всего разнесло взрывом в пыль. Или же он сбежал. В этом случае...

– Ничего он не сбежал! – крикнула я.

– Нам необходимо знать, где он скрывается, – невозмути-

мо продолжал инспектор. – А единственные свидетели происшедшего, ваши внуки, отказываются сказать мне правду.

– Мы уже сказали вам правду, – вмешался Картер. – Папа не погиб. Он провалился сквозь пол.

Инспектор выразительно посмотрел на бабушку с дедушкой, словно говоря «Вот видите?», а затем повернулся к Картеру:

– Молодой человек, ваш отец совершил серьезное преступление. А разбираться с последствиями своего поступка оставил вас...

– Неправда! – заорала я дрожащим от злости голосом.

Конечно, я ни на минуту не поверила, что папа нарочно сдал нас на растерзание полиции. Но то, что он однажды уже меня бросил, по-прежнему оставалось для меня большой темой.

– Дорогая, прошу тебя, – зашептала мне бабушка. – Господин инспектор просто делает свою работу.

– Плохо делает! – огрызнулась я.

– Давайте выпьем чаю, – предложила бабушка, надеясь разрядить обстановку.

– Нет! – завопили мы с Картером в один голос. Бедная бабуля, она так и шлепнулась обратно на диван.

– У нас имеются все основания предъявить вам обвинение, – с угрозой сказал инспектор, поворачиваясь ко мне. – И мы так и поступим, если...

Он вдруг замер на полуслове, растерянно моргая, как буд-

то забыл, о чем только что говорил.

– Э-э... инспектор? – нахмурившись, окликнул его девушка.

– Да-да... – рассеянно пробормотал старший инспектор Уильямс, потирая лоб. Потом сунул руку в карман и извлек из него маленькую синюю книжечку – американский паспорт – и бросил ее Картеру на колени.

– Вы подлежите депортации, – заявил инспектор. – В соответствии с правилами вам следует покинуть страну в ближайшие двадцать четыре часа. Если у нас еще появятся к вам вопросы, мы свяжемся с вами через ФБР.

У Картера прямо челюсть отвисла. Он тупо воззрился на меня, а я и сама ничего понять не могла. С чего это вдруг инспектор так круто сменил направление? Только что собирався нас обоих арестовать, а теперь вдруг ни с того ни с сего решает депортировать Картера. Даже другие полицейские не могли скрыть замешательства.

– Сэр? – окликнула его тетка-полицейский. – Вы уверены, что...

– Да, Линли. Вы оба можете идти.

Полицейские продолжали неуверенно топтаться у двери, пока Уильямс повелительным жестом не отправил их вон. Полицейские убрались, тщательно закрыв за собой дверь.

– Погодите-ка, – очнулся Картер. – Мой отец пропал, а вы собираетесь выставить меня из страны?

– Сынок, ваш отец либо погиб, либо в бегах, – ответил

инспектор. – Депортация – это самое лучшее, что я могу вам предложить. Все уже согласовано.

– Согласовано с кем? – поинтересовался дедушка. – Кто утвердил такое решение?

– Э-э... – Лицо инспектора снова приняло забавное растерянное выражение. – Решение согласовано с высшими инстанциями, да. Поверьте, это гораздо лучше, чем тюрьма.

Картер был слишком подавлен, чтобы сказать что-нибудь осмысленное, но я даже не успела пожалеть его, как инспектор обратился ко мне:

– К вам это тоже относится, мисс.

Меня будто кувалдой по голове огрели.

– И меня тоже депортируют? – поразилась я. – Я ведь здесь живу!

– Но гражданство у вас американское. Учитывая сложившиеся обстоятельства, сейчас вам лучше вернуться домой.

Я уставилась на него, потеряв дар речи. У меня не было иного дома, кроме квартиры бабушки с дедушкой. Здесь, в Лондоне, мои школьные друзья, моя комната и вообще все на свете.

– И куда же, по-вашему, мне теперь деваться?

– Послушайте, инспектор, – всполошилась бабушка, – это несправедливо. Поверить не могу, что вы...

– Я дам вам время, чтобы попрощаться, – резко оборвал ее инспектор и тут же нахмурился, словно сам толком не понимал, что говорит и что делает. – А сейчас я... я должен

идти.

Это уже была полная бессмыслица, и инспектор, кажется, сам это осознавал, но все равно с деловитым видом зашагал к двери и распахнул ее. Тут я чуть со стула не свалилась: прямо на пороге стоял тот человек в черном. Амос. Его пальто и шляпа куда-то подевались, но костюм в тонкую полоску и круглые очки остались при нем. На черных косичках поблескивали золотые бусины.

Я ждала, что инспектор сейчас что-нибудь скажет – выразит удивление или хотя бы поинтересуется, кто он такой, но, по-моему, он Амоса даже не заметил. Прошел мимо него, не глядя, и пропал в темноте.

Амос же шагнул через порог и прикрыл за собой дверь. Бабушка с дедушкой оба вскочили на ноги.

– Опять ты, – раздраженно буркнул дед. – И как я раньше не догадался? Будь я помоложе, от тебя бы мокрого места не осталось!

– Мистер Фаус, миссис Фауст, добрый вечер, – как ни в чем не бывало поприветствовал их Амос и смерил нас с Картером оценивающим взглядом, как будто что-то прикидывая. – Думаю, пришла пора нам с вами побеседовать.

Амос вел себя в доме прямо-таки по-хозяйски. Плюхнулся на диван, налил себе чаю, сгреб с блюда печенье и принялся с удовольствием чавкать. Вообще-то довольно смелый поступок, учитывая кулинарные таланты бабули.

Дед побагровел так, что я испугалась, как бы его удар не хватил. Он так и ринулся на Амоса, стискивая кулаки, словно собирался стереть его в порошок, но Амос продолжал невозмутимо уплетать печенье.

– Сядьте, пожалуйста, – сказал он, обращаясь ко всем сразу.

И мы сели как миленькие. Как будто только и ждали, когда он наконец нами покомандует. Даже дедушка опустил кулаки и потопал обратно к дивану, с угрюмым вздохом усевшись рядом с Амосом.

А Амос прихлебывал себе чай и все поглядывал на меня очень недовольно. По-моему, это он зря. Я выгляжу не так уж плохо, особенно учитывая, чего нам пришлось натерпеться за этот вечер. Потом он перевел взгляд на Картера и хмыкнул.

– Со временем просто беда, – проворчал он. – Но другого выхода нет. Придется им отправиться со мной.

– Еще чего! – фыркнула я. – Не собираюсь никуда отправляться с каким-то чужим дядькой, у которого к тому же вся физиономия в крошках!

У него и правда щеки и подбородок были в налипших крошках печенья, но его это, кажется, ничуть не волновало. Он и не потрудился их стряхнуть.

– Я вовсе не чужой, Сейди, – сказал он. – Неужели ты совсем меня не помнишь?

С чего это он, интересно, так по-свойски со мной разго-

варивает? Я злилась, но при этом чувствовала, что его голос действительно мне знаком. Я мельком взглянула на Картера, но брат был озадачен не меньше меня.

– Нет-нет, Амос, – дрожащим голосом вмешалась бабушка. – Вы не можете забрать Сейди. Мы же заключили договор.

– Сегодня вечером Джулиус нарушил этот договор, – сказал Амос. – И вы прекрасно понимаете, что после того, что случилось, Сейди больше не может оставаться с вами. Их единственный шанс – отправиться вместе со мной.

– А почему это мы должны отправляться неведомо куда вместе с вами? – подал голос Картер. – Я видел, как вы с отцом сегодня чуть не подрались!

Амос посмотрел на папину сумку, которая так и лежала у Картера на коленях.

– Вижу, ты сберег имущество отца. Это хорошо. Оно вам пригодится. А что касается драк, так у нас их с Джулиусом было немало. Возможно, Картер, ты не понял, но я как раз пытался его остановить, удержать от опрометчивых поступков. И если бы он меня послушал, мы бы сейчас тут с вами не сидели, ломая голову, как быть дальше.

Я понятия не имела, о чем он толкует, но дедушка, кажется, все понял.

– Опять вы со своими суевериями! – буркнул он. – Я же говорил, что не желаю о них слышать.

Амос ткнул пальцем в окно, выходящее на задний двор.

Сквозь стекло виднелась озаренная вечерними огнями Темза. Ночной вид из этого окна гораздо симпатичнее: днем-то видно, какие вокруг облезлые дома и грязные дворы.

– Суеверия, говорите? – сказал Амос с усмешкой. – Но вы все-таки выбрали себе жилье именно на восточном берегу реки.

Лицо деда цветом уже напоминало свеклу.

– Это была идея Руби. Она думала, это может защитить нас. Но она во многом ошиблась, верно? Начать с того, что она доверяла Джулиусу... и тебе тоже!

Амоса эти нападки ничуть не взволновали. Я только сейчас заметила, как занятно от него пахнет – каким-то пряным, смолистым запахом, который чувствуешь иногда, проходя мимо лавок с восточными благовониями в Ковент-Гардене⁴.

Он допил чай, оставил чашку и уставился на бабушку.

– Миссис Фауст, вы ведь знаете, с чем мы столкнулись. Теперь полиция – самая пустяковая из ваших неприятностей.

Бабушка судорожно сглотнула.

– Вы... так это вы внушили инспектору, что Сейди нужно депортировать?

– А вы бы предпочли, чтобы детей посадили под арест? – отозвался Амос.

– Погодите-ка, – встряла я. – Что значит – внушили ин-

⁴ Туристический район в Лондоне, известный своими театрами и экзотическими лавками.

спектору? Как вам это удалось?

Амос пожал плечами.

– Боюсь, это ненадолго. На самом деле нам нужно оказаться в Нью-Йорке как можно скорее, самое лучшее – через час, пока инспектор Уильямс не задумался, с какой стати он дал уйти единственным свидетелям по громкому делу.

Картер недоверчиво хихикнул.

– Но мы никак не можем перенестись из Лондона в Нью-Йорк всего за час. Даже самый быстрый самолет...

– Верно, – кивнул Амос. – Самолету это вряд ли под силу.

После чего он тут же снова обратился к бабушке, как будто вопрос был уже решен:

– Миссис Фауст, обеспечить безопасность Картера и Сейди можно только одним-единственным способом. Вы знаете, каким. Они должны отправиться в мой особняк в Бруклине. Только там я смогу защитить их.

– Значит, у вас дом в Бруклине? – с любопытством спросил Картер. – Целый особняк?

Амоса это любопытство позабавило.

– Верно, это имение нашей семьи. Там вы будете в безопасности.

– Но наш папа...

– Сейчас вы ничем не сможете ему помочь, – с грустью покачал головой Амос. – Мне очень жаль, Картер. Я все объясню позже... Пока скажу только, что для Джулиуса всегда было самым важным уберечь вас от опасности. Поэтому сей-

час нам нужно торопиться. Боюсь, я ваша единственная надежда.

Серьезная заявка. Картер обвел взглядом лица бабушки и дедушки и хмуро кивнул. Он знал – у себя они его оставить не захотят. Слишком, видите ли, он напоминал им ненавистного зятя. Согласна, очень глупая причина, чтобы не любить своего внука, но тут уж ничего не поделаешь.

– Ну хорошо, Картер может делать что хочет, – сказала я. – Но мой дом – здесь. И с какой стати я брошу его, да еще с каким-то незнакомым типом?

Я глянула на бабушку, рассчитывая на ее поддержку, но она сидела, не поднимая глаз от кружевной салфетки на столе, как будто в ней вдруг обнаружилось что-то до жути интересное.

– Дедуль, ну скажи...

Но дед тоже избегал встречаться со мной взглядом. Вместо этого он повернулся к Амосу:

– Ты что, правда можешь вывезти их из страны?

– Эй, погодите! – возмутилась я, но на мои протесты никто не обратил внимания.

Амос поднялся, деловито стряхнул с пиджака крошки, прошагал к окну во двор и внимательно поглядел на реку.

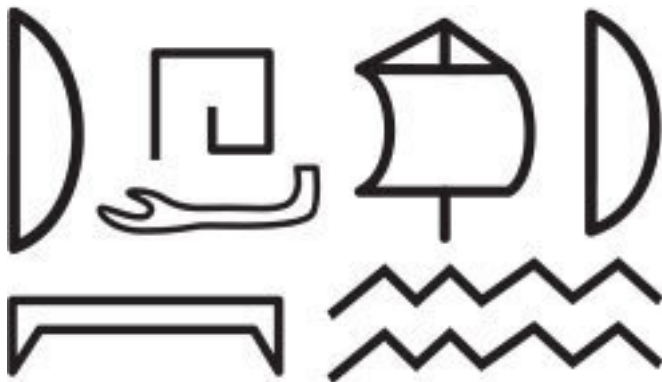
– Полиция вот-вот вернется. Можете говорить им все, что пожелаете. Они все равно нас не найдут.

– Вы что, нас похищаете?! – ошеломленно воскликнула я и повернулась к Картеру: – Нет, ты можешь в это поверить?

Картер, не говоря ни слова, встал и накинул на плечо ремень сумки, полностью готовый к выходу. Я не исключала, что ему просто не терпится убраться из квартиры бабушки с дедушкой хоть куда угодно.

– Ну и как же вы собираетесь добраться до Нью-Йорка всего за час? – спросил он у Амоса. – Кажется, вы имели в виду не самолет.

– Верно, не самолет, – согласился Амос и быстро начертил пальцем на запотевшем оконном стекле несколько фигур. Еще один иероглиф, будь он неладен.

– Лодка, – сказала я и тут же спохватилась, что вслух перевела древнеегипетскую надпись, чего, по идее, никак не могло быть.

Амос воззрился на меня поверх своих круглых стеклы-

шек:

– Как это ты...

– В смысле, последняя картинка очень похожа на лодочку, – выпалила я. – Но вы же не имели в виду, что мы поплывем через океан на лодке? Это ведь полная чушь.

– Смотри! – закричал вдруг Картер.

Я прильнула к оконному стеклу рядом с ним. Внизу, у самого парапета набережной, на речных волнах покачивалась лодка. Только вот с обычным прогулочным яликом она ничего общего не имела: это была египетская папирусная ладья с двумя зажженными факелами на носу и большим румпелем на корме. Возле румпеля высилась темная фигура в длиннополом пальто и шляпе – возможно, тех самых, которые я раньше видела на Амосе.

Обычно я за словом в карман не лезу, но тут уж и я лишилась дара речи.

– Значит, вот так мы и поплывем? – недоверчиво спросил Картер. – В Бруклин? Вы серьезно?

– И чем скорее, тем лучше, – спокойно отозвался Амос.

Не веря своим ушам, я повернулась к бабушке:

– Бабуль, ну хоть ты скажи ему!

Бабушка смахнула со щеки слезинку.

– Так будет лучше, моя милая. И возьми с собой Пышку.

– Ах да, – спохватился Амос, – кошку надо захватить обязательно.

Он бросил взгляд на лестницу, ведущую наверх, и с нее

тут же стремглав слетела Пышка, как будто ее кто-то позвал. Промчавшись леопардовой стрелой через гостиную, она одним прыжком взлетела мне на руки. Тут уж я совсем опешила. Она никогда в жизни так не делала.

– Да кто же вы такой? – спросила я Амоса. Ясно, что никакого выбора мне не оставили, но хотя бы ответы на вопросы я имею право получить? – Мы все-таки не можем плыть бог знает куда с незнакомцем!

– Я не незнакомец, – ответил Амос с широкой улыбкой. – Я самый что ни на есть ближайший член семьи.

И вдруг я вспомнила: да-да, я увидела, как это самое улыбающееся лицо наклоняется ко мне и говорит: «С днем рождения, Сейди». Такое давнее, ускользающее воспоминание, от которого почти ничего не осталось...

– Дядя Амос? – неуверенно спросила я.

– Он самый, Сейди, – кивнул он. – Я брат Джулиуса. А теперь пойдете. Нам предстоит долгий путь.

5

Встреча с обезьяной

Картер

Это снова Картер. Извините, нам тут пришлось на время прервать запись, потому что за нами гнались... ну ладно, лучше все по порядку.

Сейди как раз рассказывала, как мы покинули Лондон, верно?

В общем, мы спустились следом за Амосом к той странной лодке, пришвартованной у набережной. Я не выпускал из рук отцовскую сумку. Мне все еще не верилось, что папы больше нет. Я никак не мог отделаться от чувства вины за то, что покидаю Лондон без него, но в одном Амос точно был прав: прямо сейчас мы ничем не могли помочь отцу. Особого доверия этот Амос у меня не вызывал, но я не сомневался: если я правда хочу выяснить, что случилось с папой, я должен держаться поближе к нашему таинственному

дядюшке. Кажется, он был единственным, кто понимал, что происходит.

Амос спокойно шагнул на папирусную палубу, Сейди отважно прыгнула следом, а я все никак не мог решиться. Я уже видел похожие челноки в Египте, на Ниле, и они, честно говоря, казались мне довольно хлипкими суденышками.

По сути дела, такая лодка представляет собой пучки связанных вместе стеблей папируса, вроде большого тростникового плота. И мне тут же пришло в голову, что держать горящие факелы на этом плавучем пучке соломы – не самая лучшая идея: не потонем, так обязательно сгорим. Возле руля на корме топтался невысокий парень в длинном пальто и шляпе Амоса. Шляпа съехала ему на лоб так низко, что я никак не мог разглядеть его лицо, а руки и ноги полностью утонули в чересчур длинных рукавах и полах пальто, оказавшегося ему сильно не по росту.

– И как эта лодка движется? – спросил я Амоса. – У нее даже паруса нет.

– Доверься мне, – только и сказал Амос, протягивая мне руку.

Ночь была холодная, но как только я перешагнул через борт челнока, мне сразу стало тепло, как будто огня факелов хватало, чтобы обогреть все вокруг. Посреди палубы возвышалась каюта – точнее, шалашик из папирусных циновок. Пышка завозилась на руках у Сейди, принюхалась и заурчала.

– Забирайтесь внутрь и садитесь, – предложил Амос. – Плавание может оказаться бурным.

– Нет уж спасибо, я постою, – сказала Сейди и кивнула в сторону фигурки на корме: – А кто там у тебя за рулевого?

Амос, однако, сделал вид, что не услышал вопроса.

– Теперь держитесь крепче! – велел он, а потом кивнул рулевому, и лодка сорвалась с места.

Даже не знаю, как описать свои ощущения словами. Вам знакомо чувство пустоты в животе, когда катаешься на американских горках и резко срываешься вниз? Так вот, тут было то же самое, только ощущение падения никак не проходило. Лодка мчалась вперед с какой-то невероятной скоростью. Огни города позади нас сначала смазались в одно сплошное пятно, а потом растаяли в ночи облачком тумана. Из темноты вокруг нас то и дело доносились странные звуки: шорохи и шипение, далекие крики и шепот на незнакомых языках, слов которых я никак не мог разобрать.

Вскоре меня начала одолевать тошнота. Голоса вокруг звучали все громче, так что я уже сам едва удерживался, чтобы не закричать. Вдруг лодка замедлила ход. Таинственные голоса стихли, мрак рассеялся, и вокруг нас снова засиял огнями большой город – даже ярче, чем прежде.

Над нашими головами медленно проплывал мост – высоченный, гораздо выше любого лондонского моста. В животе у меня словно что-то перевернулось. Слева вырастали знакомые силуэты небоскребов: Крайслер-билдинг, Эм-

пайр-стейт-билдинг.

– С ума сойти, – нервно хихикнул я. – Мы в Нью-Йорке.

Слегка позеленевшая после путешествия Сейди (я сам, наверное, выглядел точно так же) все еще крепко сжимала в объятиях Пышку, которая безмятежно мурлыкала, прикрыв глаза.

– Быть такого не может, – сказала Сейди. – Мы же всего несколько минут как отплыли.

И все-таки глаза меня не обманывали: мы и правда были в Нью-Йорке и теперь плыли через пролив Ист-Ривер, прямо под Вильямсбургским мостом. Постепенно замедляясь, мы подошли к небольшому доку на Бруклинском берегу. Вокруг простирался невзрачный пустырь, заваленный грудями металлолома и всяким строительным мусором. Посреди этой разрухи у самого берега высился огромный фабричный склад – видимо, давно заброшенный, с заколоченными окнами и густо расписанными граффити стенами.

– Не похоже на семейный особняк, – заметила Сейди.

Проницательная девчонка, ничего не скажешь.

– Взгляни-ка еще раз, – сказал Амос, указывая на крышу здания.

– Но как... как ты... – бессвязно забормотал я.

Не понимаю, как я раньше этого не увидел? Теперь-то сомнений не было: на самой крыше склада, как второй слой на торте, возвышался большой пятиэтажный дом.

– Как ты умудрился построить дом на крыше другого

строения?

– Долгая история, – отмахнулся Амос. – Просто нам очень хотелось, чтобы наше жилище было скрыто от посторонних глаз.

– А здесь тоже восточный берег? – неожиданно спросила Сейди и тут же пояснила: – Ты что-то говорил насчет этого в Лондоне. Про то, что мои бабушка с дедушкой поселились на восточном берегу.

– Молодчина, Сейди, запомнила, – улыбнулся Амос. – В древние времена египтяне селились только на восточном берегу Нила, там, где восходит солнце. А умерших всегда хоронили на западном берегу. Считалось, что жить там нехорошо, а то и опасно. Эта традиция все еще очень сильна... среди наших.

– Кого это – наших? – неуверенно поинтересовался я, но Сейди уже успела влезть со своим вопросом:

– Значит, на Манхэттене тебе жить нельзя?

Амос, нахмурившись, посмотрел в сторону Эмпайр-стейт-билдинга.

– У Манхэттена другие проблемы. И боги тоже другие. Нам лучше держаться в стороне друг от друга.

– Другие что? – насторожилась Сейди.

– Да нет, ничего, – оборвал разговор Амос и направился к своему рулевому. Снял с него пальто, сдернул шляпу... и оказалось, что под ними никого нет. Никакого рулевого попросту не было. Амос нахлобучил шляпу себе на голову, пе-

ребросил пальто через руку и махнул в сторону металлической лестницы, которая поднималась вдоль стены склада до самого особняка на его крыше.

– Прошу, – сказал он, приглашая. – Добро пожаловать в Двадцать Первый ном.

– Гном? – переспросил я, взбираясь вслед за ним по стальным ступенькам. – Это вы про таких низкорослых человечков?

– О боги, нет, конечно, – хмыкнул Амос. – Терпеть не могу гномов. Воняет от них – ужас...

– Но ты только что сам сказал...

– Я сказал ном, н-о-м. Это слово обозначает район или округ. Оно тоже пришло из древности, когда Египет был разделен на сорок две провинции. Сегодняшняя система районирования немного отличается от древней. Теперь она охватывает весь земной шар. Современный мир разделен на триста шестьдесят номов. Египет, само собой, находится в Первом, а Нью-Йорк – в Двадцать Первом.

Сейди искоса глянула на меня и выразительно покрутила пальцем у виска.

– Ошибаешься, Сейди, – сказал Амос, не оборачиваясь. – Я вовсе не сошел с ума. Просто вы еще слишком много не знаете.

Лестница наконец кончилась, и теперь мы могли как следует разглядеть представший перед нами дом. Трудно даже сказать, на что он был похож. Футов пятьдесят в высоту, сло-

женный из громадных блоков известняка, с окнами в стальных рамах, вокруг окон – иероглифы. Стены подсвечивались снаружи, что делало здание похожим не то на современный музей, не то на древний храм. Но самое поразительное заключалось в том, что стоило хоть чуть-чуть отвести взгляд, и здание исчезало из виду. Я проделал этот трюк несколько раз, чтобы убедиться, что мне не померещилось. Если смотреть на особняк уголком глаза, он пропадал. Если снова перевести взгляд на него и попытаться сфокусироваться, он становился виден, но для этого требовалось немалое усилие воли.

Амос остановился перед входом, широким, как гаражные ворота: темный квадрат массивного дерева без всякого подобия дверной ручки или замка.

– Давай, Картер. После тебя.

– Эй, а как я должен...

– А как ты думаешь?

Так, очередная загадка. Больше всего мне хотелось предложить использовать голову Амоса вместо тарана и посмотреть, что из этого получится. Но тут я снова взглянул на дверь, и у меня возникло такое странное чувство... Я вытянул вперед руку и, не касаясь двери, медленно поднял ее. Я даже почти не удивился, когда дверь послушно подчинилась моему движению и заскользила вверх, пока не исчезла под потолком.

Сейди тарачилась то на нее, то на меня.

– Как это ты...

– Не знаю, – признался я озадаченно. – Может, тут какие-нибудь сенсоры движения встроены...

– Интересно. – Голос Амоса звучал немного взволнованно. – Я бы действовал иначе, но у тебя тоже неплохо получилось. Прямо-таки отлично.

– Спасибо, – ответил я, не зная, что еще сказать.

Сейди, естественно, попыталась войти первой, но стоило ей перешагнуть порог, как Пышка вдруг завопила не своим голосом и отчаянно забила лапами, пытаясь вырваться из рук хозяйки.

Сейди отпрыгнула назад.

– Что это такое с кошкой?

– Ах да, конечно, – спохватился Амос. – Прошу прощения.

После чего он положил руку Пышке на голову и торжественно изрек:

– Дозволяю тебе войти.

– А что, кошке нужно особое разрешение? – удивился я.

– В особых обстоятельствах – да, – сказал Амос и умолк, видимо, считая подобное объяснение исчерпывающим.

Я, например, так не считал.

Мы потопали за ним внутрь, и на этот раз Пышка вела себя вполне спокойно.

– Вот это да-а...

Сейди так и застыла с разинутым ртом, закинув голову и

глазая на потолок. Я даже испугался, что она сейчас жвачку выронит.

– Да, – веско сказал Амос. – Это Большой Зал.

Понятно, почему его называли Большим. Высоченные колонны из резного камня с высеченными на них иероглифами возносили потолок из кедровых балок на уровень четвертого этажа. Стены вокруг нас украшала колоритная коллекция музыкальных инструментов и древнеегипетского оружия. Стены зала опоясывали три яруса галерей с выходящими на них рядами дверей. В камине можно было при желании парковать грузовик, по сторонам от него располагались массивные диваны с кожаной обивкой, а поверх каминной полки красовался огромный плазменный телевизор. Пол устилала узорчатая дорожка – я бы решил, что это выделанная змеиная кожа, не будь она длиной в сорок и шириной в пятнадцать метров, а таких огромных змей, как известно, не бывает. Сквозь стеклянные стены я видел прилегающую к дому террасу, где были и бассейн, и навес со столами и стульями, и очаг с огнем для приготовления пищи. В дальнем конце Большого Зала виднелись высокие двустворчатые двери с изображенным на них Глазом Гора, опутанные тяжелыми цепями и запертые на полдюжины замков. Я, конечно, сразу задумался – что же там такое может быть, за этими дверями?

Но больше всего захватывало дух от огромной статуи, которая возвышалась в самом центре зала. Футов тридцать в

высоту, не меньше, высеченная из черного мрамора. Я сразу понял, что это какое-то египетское божество, потому что тело у него было человеческое, а голова птичья – напоминающая не то журавля, не то аиста, с длинной шеей и еще более длинным клювом.

Одеяние бога соответствовало древним канонам: юбка, закрепленная на талии поясом, воротник-ожерелье. В одной руке он держал палочку для письма, а в другой – развернутый свиток, словно только что начертал на нем большой иероглиф: анх – египетский крест с петлей – и прямоугольник в его верхней части.

– Это он! – воскликнула Сейди. – Пер Анх!
Я так и вытаращился на нее.

– Слушай, откуда ты знаешь? Ты что, можешь читать иероглифы?

– Не знаю, – сказала она, чуть растерявшись. – Но разве это не очевидно? Верхняя часть иероглифа по форме похожа на план этого дома.

– С чего ты это взяла? По-моему, это просто прямоугольник.

Но вообще-то я и сам понимал, что она права. Я узнал этот символ. Он и в самом деле представлял собой стилизованное изображение дома с входной дверью. Согласен, для большинства людей это вовсе не было очевидно. Тем удивительнее, что Сейди сразу догадалась. И ни капли не сомневалась в своей правоте.

– Это дом, – настойчиво повторила она. – А нижний знак – это анх, символ жизни. Пер Анх означает Дом Жизни.

– Молодец, Сейди. – Амос, кажется, был искренне впечатлен. – А эта статуя представляет собой изображение единственного божества, которому позволено пребывать в Доме Жизни, – по крайней мере, обычно. Узнаешь его, Картер?

У меня в голове что-то щелкнуло, и сразу все встало на свои места. Длинноклювая птица – это ибис, обитатель берегов Нила.

– Это Тот, – сказал я. – Бог знания. Египтяне считали, что это он создал письменность.

– Так и есть, – кивнул Амос.

– А почему у него птичья голова? – заинтересовалась Сей-

ди. – Почему-то у всех египетских богов головы от разных животных. Очень глупо выглядит, по-моему.

– Ну, обычно они так не выглядят, – сказал Амос. – Я имею в виду, в реальной жизни.

– В реальной жизни? – фыркнул я. – Да ладно. Можно подумать, ты лично с ними встречался.

Я вроде не сказал ничего такого, но у Амоса вдруг сделалось такое лицо, будто он вспомнил что-то очень-очень неприятное.

– Боги могут являться в разных обличьях, – заговорил он после паузы. – Иногда в человеческих, иногда в звериных, а иногда и в виде... м-м... гибрида. Понимаете, боги – это первозданные стихии, что-то вроде мостика между человеком и природой. Поэтому их и изображали с головами животных, чтобы показать, что они существуют сразу в двух мирах. Теперь понятнее?

– Ни капельки, – сказала Сейди.

– Хмм. – Амос несколько озадачился. – Ясно, придется нам с вами всерьез позаниматься. Говоря вкратце, Тот, которого вы видите перед собой, является основателем Дома Жизни, а этот особняк, если угодно, его местная штаб-квартира. Или, по крайней мере... была ею раньше. Сейчас в Двадцать Первом номе остался только я один. Точнее, был один, пока не появились вы двое.

– Погоди немного.

Вопросы теснились у меня в голове, так что я даже не

знал, с чего начать спрашивать.

– Что это такое – Дом Жизни? И почему только Тоту позволено в нем находиться? И почему ты...

– Картер, поверь, я знаю, каково тебе сейчас. – Амос сочувственно улыбнулся. – Но такие вещи лучше обсуждать при свете дня. Вам сейчас непременно нужно поспать, и я не хочу, чтобы вам снились кошмары.

– Ты правда думаешь, что я смогу уснуть?

– Мурр.

Пышка на руках у Сейди сладко потянулась и зевнула во всю пасть.

Амос хлопнул в ладоши и крикнул:

– Хуфу!

Поначалу мне показалось, что он просто громко чихнул, а не позвал кого-то, – слишком уж странное это имя – Хуфу⁵. Однако на лестнице тут же показался торопливо спускающийся к нам коротышка в пурпурного цвета одежде – футов трех ростом, весь заросший золотистой шерстью. Я не сразу сообразил, что это не человек, а павиан. Причем наряженный в футболку с логотипом лос-анджелесского спортклуба «Лейкерс».

Павиан одним прыжком преодолел последние ступеньки и приземлился прямо перед нами. После чего показал длинные клыки и издал какой-то угрожающий звук – не то за-

⁵ Хуфу (Хеопс) – фараон периода Древнего царства Египта, предположительно строитель Великой пирамиды в Гизе (27 в. до н. э.).

рычал, не то рыгнул. От него за милю несло сырными чипсами.

Я не придумал ничего лучше, чем ляпнуть:

– «Лейкерс» – моя любимая команда!

Павиан в ответ похлопал себя руками по макушке и еще раз рыгнул.

– О, ты Хуфу понравился, – сказал Амос. – Думаю, вы отлично поладите.

– Потрясно, – отреагировала слегка ошеломленная Сейди. – Значит, за дворецкого у тебя обезьяна. Что дальше?

Пышка как ни в чем не бывало мурлыкала у нее на руках, как будто павиан в доме был чем-то совершенно обыденным и нестрашным.

– Агх! – рыкнул на меня Хуфу.

– Это он хочет сыграть с тобой один на один, Картер, – со смешком перевел Амос. – Оценить, так сказать, твой уровень.

Я переступил с ноги на ногу.

– Э-м-м... да, ладно. Конечно. Только, может, не сегодня, а? А как ты понял, что...

– Картер, боюсь, тебе еще ко многому придется привыкнуть, – сказал Амос. – Но если ты намерен побороться за свою жизнь и спасти отца, тебе нужно как следует отдохнуть и набраться сил.

– Эй, извини, – вмешалась Сейди. – Кажется, ты сказал «побороться за жизнь и спасти отца»? А поподробнее нель-

зя?

– Завтра, – решительно пресек разговоры Амос. – Непременно введу вас в курс дела, но только утром. Хуфу, покажи, пожалуйста, ребятам их спальни.

– Агх-ухх! – заворчал павиан, тут же разворачиваясь и направляясь вверх по лестнице. Как я не замедлил убедиться, майка «Лейкерс» оказалась чересчур коротка, чтобы скрыть от нас его разноцветный зад.

Мы двинулись за ним следом, но тут Амос окликнул меня:

– Картер, отдай мне сумку, пожалуйста. Будет лучше, если я запру ее на ночь в библиотеке.

Я заколебался. Сумка так и болталась у меня на плече без дела, но она была единственным, что у меня осталось от папы, и мне не хотелось с ней расставаться. У меня вообще никаких вещей при себе не оказалось – весь наш багаж так и остался в Британском музее. Честно говоря, я удивился, что полиция не изъяла у меня и эту сумку, но почему-то на нее никто не обратил внимания.

– Ты непременно получишь ее обратно, – пообещал Амос. – Когда придет время.

Дядина просьба звучала вполне дружелюбно, но по его глазам я сразу понял, что выбора у меня на самом деле нет.

Я протянул ему сумку, и Амос взял ее – бережно и очень аккуратно, как будто в ней лежала тикающая бомба.

– Увидимся утром, – попрощался он и направился к скованным цепями дверям в конце зала. При его приближении

цепи сами собой распались и створки приоткрылись – ровно настолько, чтобы Амос мог проскользнуть внутрь, так и не показав, что же скрывается по ту сторону. Цепи за его спиной сомкнулись обратно.

Я покосился на Сейди, не зная, что делать дальше. Остаться в Большом Зале наедине с жутковатой статуей Тота нам не хотелось, так что мы поплелись следом за Хуфу вверх по лестнице.

Нам с сестрой достались смежные комнаты на третьем этаже, и должен признать, что они были куда круче, чем все прочие места, где мне доводилось останавливаться.

В моей комнате оказалась встроенная кухонька, битком набитая моими самыми любимыми лакомствами: банками с имбирным элем... (Нет, Сейди. Имбирный эль пьют не только старикашки. И вообще помолчи!) ...и всякими сладостями, вроде «Твикс» и «Скиттлс». Просто невероятно... Когда Амос успел узнать, что именно мне нравится? В самой спальне, конечно, большой телевизор, компьютер, стереосистема – все самое новое и навороченное. В ванной – зубная паста, дезодорант и все прочие необходимые принадлежности, и тоже все привычных мне марок. Кровать просто поражала воображение: огромная и пружинистая. Только почему-то вместо пухлой удобной подушки в изголовье оказался твердый подголовник из слоновой кости, какие я видел в древнеегипетских гробницах. Его украшали резные фигурки

львов и (кто бы сомневался!) целое изобилие иероглифов.

Еще в комнате был балкон с видом на Нью-Йоркскую бухту. Я хотел было выйти полюбоваться Манхэттеном и светящейся вдали статуей Свободы, но раздвижные стеклянные двери оказались заперты. Тут я впервые насторожился, почуввав опасность.

Я обернулся к Хуфу, но того уже и след простыл. Наружная дверь была закрыта. Я подергал ручку, и тут выяснилось, что моя комната заперта снаружи.

Из соседней комнаты донесся приглушенный голос:

– Картер?

– Да, Сейди, я здесь.

Я попробовал дверь, соединяющую наши комнаты, но и она тоже не открывалась.

– Кажется, мы тут не гости, а пленники, – сказала сестра. – Как ты думаешь, этот Амос... По-твоему, ему можно доверять?

После всего, что случилось с нами сегодня, я не мог доверять абсолютно никому. Но неподдельный страх в голосе Сейди пробудил во мне какое-то странное чувство. Я словно ощутил потребность утешить ее и подбодрить. Даже смешно как-то. Сейди всегда вела себя гораздо смелее, чем я. Делала что хотела, не заботясь о последствиях, а я часто робел дать волю своим желаниям. А сейчас я вдруг почувствовал себя в роли, о которой почти успел позабыть: роли старшего брата.

– Все будет хорошо, – сказал я, стараясь, чтобы мои слова

звучали уверенно. – Ну сама подумай: если бы Амос хотел сделать нам что-то плохое, у него была бы куча возможностей. Так что ни о чем не беспокойся и постарайся заснуть.

– Картер?

– Что?

– Это ведь было волшебство, правда? То, что случилось в музее с папой, и лодка Амоса, и этот дом... Все это какая-то магия.

– Мне тоже так кажется.

Я услышал, как она вздохнула.

– Хорошо. По крайней мере, я не сошла с ума.

– Ага. А теперь ложись. Сладких снов, – пожелал я ей.

И тут же сообразил, что не говорил Сейди этих слов давным-давно – с тех самых пор, когда мама была еще жива и мы все вместе жили в Лос-Анджелесе.

– Я скучаю по папе, – услышал я вдруг. – Знаю, мы с ним почти не виделись последнее время, но все равно... мне очень его не хватает.

У меня защипало в глазах, и я сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. Не хватало еще раскиснуть – сейчас, когда Сейди нуждается в моей поддержке, а папа – в помощи.

– Мы найдем его, – пообещал я. – Спокойной ночи.

Я еще постоял возле стены, прислушиваясь, но все, что мне удалось расслышать, – довольное мяуканье и резвые прыжки Пышки, осваивающейся на новом месте. Что ж, хотя бы кто-то из нас не унывает.

Я разделся и забрался в постель. Одеяло было чудесное – легкое и теплое, но устроиться уютно на могильном подголовнике у меня так и не получилось. Когда у меня окончательно свело шею, я просто спихнул его на пол и заснул, подсунув под голову руку.

Это была моя первая серьезная ошибка.

6

Завтрак с крокодилом

Картер

Даже не знаю, как это описать. Это был не кошмарный сон: мое видение оказалось куда реальнее и от этого еще страшнее.

Засыпая, я почувствовал, как мое тело становится легким, почти невесомым. Я воспарил над кроватью, обернулся и увидел внизу свое собственное спящее тело, укрытое одеялом.

Моей первой мыслью было: «Я умираю». Но вскоре я осознал, что вовсе не умер и не превратился в привидение. Просто мое тело стало другим – золотисто-сияющим, с крыльями вместо рук. Я превратился в птицу. (Нет, Сейди, не в цыпленка. В золотую птицу. Слушай, ты дашь мне рассказать или нет?)

И я знал, что не сплю, потому что я никогда не вижу цвет-

ных снов. И уж точно в моих снах не бывает такого богатства ощущений. Комната благоухала жасмином, тихо шуршали пузырьки газа в банке с имбирным элем на прикроватном столике. Я почувствовал, как прохладный ветерок ерошит мои перья, и понял, что окно открыто. Мне не хотелось улетать, но сильный порыв ветра подхватил меня, как сухой листок, и вынес в распахнутую створку окна.

Освещенные окна особняка скрылись вдали, вслед за ними померкли огни Нью-Йорка. Я мчался сквозь ночную мглу, сквозь шелестящий шепот странных голосов, звучащих неведомо откуда. Внутри снова появилось ощущение пустоты, как тогда, когда мы плыли на лодке Амоса. Потом мгла рассеялась, и я оказался в совершенно незнакомом месте.

Я парил в темном небе над какой-то бесплодной горой. Далеко внизу, в долине, мерцали огни большого города, но я сразу понял, что это не Нью-Йорк. Несмотря на темноту, я точно знал, что нахожусь в пустыне. Ветер был таким сухим, что кожа на моем лице натянулась, как пергамент. Знаю, что это звучит дико, но хотя тело у меня теперь было птичье, лицо так и оставалось нормальным, человеческим. (Отлично, Сейди, валяй. Можешь звать меня картероголовым цыпленком. Теперь довольна?)

Прямо подо мной на гребне горы стояли две фигуры. Меня они вроде бы не замечали, и я понял, что мое золотистое сияние пропало. Я парил во тьме невидимкой. Толком раз-

глядеть стоящих я не мог, понял только, что выглядят они не как люди. Приглядевшись старательнее, я увидел, что один из них – невысокий коротконожка, лысый, с влажно поблескивающей кожей, похожий на лягушку или жабу, вставшую на задние лапы. Второй, наоборот, был высокий и костлявый, с когтистыми петушиными лапами вместо ног. Лицо его я видел плохо, понял только, что оно красное, какое-то влажное и... и... короче, я только рад был, что не могу рассмотреть его получше.

– Ну и где же он? – нервно проквакал жабоподобный.

– Он еще не нашел себе постоянного хозяина, – проворчал когтеногий, – и может появляться лишь ненадолго.

– Ты уверен, что это то самое место?

– Конечно уверен, дурья твоя башка. Он вот-вот явится...

Недалеко от них на гребне возникла еще одна фигура, сотканная из огня. Ожидавшие ее рухнули ничком на землю, пресмыкаясь в грязи, и я от души порадовался, что меня не видно.

– О повелитель! – сдавленно поприветствовал пришельца жабоподобный.

Даже в темноте огненного гостя было почти не разглядеть – лишь силуэт человека, окаймленный пламенем.

– Как называется это место? – спросил огненный.

Едва он заговорил, я сразу узнал его. Это был тот человек, который напал на отца в Британском музее. И весь ужас, который я испытал тогда, обрушился на меня снова, сковывая и

парализуя. Я со стыдом вспомнил, как потянулся за камнем, чтобы бросить его во врага, но не смог сделать даже этого. Как же я подвел папу...

– Мой повелитель, – почтительно подал голос когтенотий, – эта гора называется Верблюжий Горб. А город у ее подножия зовется Финикс⁶. На здешнем языке это означает «феникс», мой повелитель.

Огненный человек разразился громоподобным смехом.

– Феникс. Очень подходящее название! И пустыня так напоминает родной дом. Для полного сходства нужно всего лишь очистить ее от всякой жизни. Пустыне надлежит быть бесплодной, согласны?

– О да, повелитель, – не стал спорить жабоподобный. – А что же остальные четверо?

– Один уже погребен, – сказал огненный. – Вторая слаба и неопасна. Ее легко подчинить своей воле. Остаются только двое, но с ними мы скоро покончим.

– Э-э... а как? – спросил жабоподобный.

Огненный силуэт вспыхнул ярче.

– Не слишком ли много вопросов, головастик? – громыхнул он и направил на жабоподобного раскаленный палец. Бедная тварь тут же задымилась.

– Нет, пожалуйста! – взмолилась она. – Не-е-ет!

Я отвел взгляд, чтобы не видеть этого. Даже описывать не хочется. Может, вы когда-нибудь слышали, что случает-

⁶ Один из крупнейших городов США, столица штата Аризона.

ся, когда дети в своих жестоких играх посыпают солью улиток? Тогда можете догадаться, что случилось с бедной жабой. Вскоре от нее ничего не осталось, кроме горстки пепла.

Когтеногий опасливо попятился.

– Здесь мы и возведем мой храм, – объявил огненный, как будто ничего не произошло. – Эта гора станет местом, где мне будут поклоняться. А когда все будет готово, я вызову невиданную по силе бурю, которая сметет все. Все без остатка.

– Да, мой повелитель, – поспешно согласился когтеногий. – Позволено ли будет мне, господин, предложить кое-что, что увеличит ваше могущество...

Почтительно склонившись, он приблизился к огненной фигуре, словно хотел нашептать что-то ей на ухо.

Я уже ждал, что когтеногого тоже поджарят, но, видимо, то, что он сказал, огненному понравилось. Он запылал так, что глазам стало больно.

– Превосходно! Если ты сделаешь это, тебя ждет награда. А если не сделаешь...

– Я все понял, мой повелитель.

– Тогда ступай, – велел огненный. – Высвободи нашу силу. Пошли вперед длинношеих, они могут сломить любое сопротивление. Потом заведи детей и принеси их мне. Я хочу заполучить их живыми и поскорее, до того, как они успеют понять, какая в них таится сила. Не подведи меня.

– Ни в коем случае, повелитель.

– Феникс, – раздумчиво произнес огненный. – До чего мне это нравится.

Он обвел рукой горизонт, словно уже представлял себе лежащий внизу город в объятиях пламени.

– Скоро, скоро я восстану из твоего пепла! Это будет чудесный подарок к моему дню рождения.

Я снова очнулся в собственном теле, с отчаянно бьющимся сердцем. Меня мучил жар, как будто тот огненный человек жег меня своим пламенем. Только потом до меня дошло, что мне жарко от кошки, устроившейся на моей груди.

Пышка смотрела на меня, прикрыв неподвижные глаза.

– Мурр.

– Эй, ты как сюда пробралась? – проворчал я.

Я приподнялся и сел, в первое мгновение не узнав, где нахожусь. Опять какой-то отель, какой-то новый город? Я чуть не позвал папу... и тут же все вспомнил.

Вчерашний день. Музей. Саркофаг.

Осознание того, что случилось, обрушилось на меня всей тяжестью, так что даже дыхание перехватило.

«Стоп, – велел я себе. – Сейчас не время предаваться горю». Наверно, это звучит странно, но мне показалось тогда, что этот голос в моей голове принадлежит не мне, а кому-то другому – более взрослому, более сильному. Может, я и впрямь стал меняться к лучшему. А может, у меня просто крыша поехала, не знаю.

«Вспомни, что ты видел, – сказал голос. – Он охотится за тобой. Ты должен быть наготове».

Я содрогнулся, припомнив свои видения. Очень хотелось верить, что это был всего лишь страшный сон... но я знал, что это не так. Я слишком много пережил вчера, чтобы сомневаться в том, что видел. Каким-то образом я покинул собственное тело, пока спал. И я действительно был в Финиксе – а это в штате Аризона, за тысячи миль от того места, где находился сейчас. И огненный человек был там. Я далеко не все понял, но он точно говорил о каких-то силах... и отправил своего подручного изловить детей. Нетрудно догадаться, кого именно он имел в виду.

Пышка спрыгнула с кровати и принялась обнюхивать валяющийся на полу подголовник, то и дело поглядывая на меня, как будто хотела что-то сказать.

– Можешь забрать его себе, – разрешил я. – Жутко неудобная штука.

Пышка потыкалась в подголовник лбом и уставилась на меня с укором в круглых глазах.

– Мурр.

– Ладно-ладно, как скажешь.

Я встал и принял душ. Потом собрался одеться, но обнаружил, что вся моя одежда за ночь куда-то подевалась. В шкафу оказалось полно других вещей, и все были мне впору, только очень уж необычные: все сплошь мешковатые штаны, затягивающиеся шнурками, и просторные рубахи из такого

же белого льняного полотна. Обычно такие носят феллахи – египетские крестьяне. Одним словом, это был совсем не тот стиль, к которому я привык.

Сейди, конечно, вечно талдычит, что у меня вообще нет никакого стиля и что я одеваюсь как старик: сорочки с воротничками на пуговицах, брюки, кожаные туфли. Что ж, может быть, это не очень модно и не очень современно, но тут опять же дело в отце. Он все время внушал мне, что я должен всегда и везде одеваться прилично.

Я помню, как он заговорил об этом впервые. Мне было десять лет. Мы ехали в аэропорт в Афинах, жара стояла просто одуряющая, и я тогда пожаловался – почему я должен париться в длинных брюках, когда все остальные путешествуют в шортах и майках? Это ведь так удобно! К тому же никаких ответственных встреч у нас в тот день не намечалось – просто обычные переезды с места на место.

Папа тогда положил руку мне на плечо и серьезно так сказал:

– Картер, ты ведь уже взрослый и прекрасно все понимаешь. Ты родился афроамериканцем, а значит, люди всегда будут судить тебя строже. Именно поэтому мы должны при любых обстоятельствах выглядеть безупречно.

– Но это несправедливо! – возмутился я.

– Справедливость вовсе не означает, что всем достается одинаково, – сказал папа. – Справедливость означает, что каждый получает то, что ему нужно. А единственный способ

получить то, что тебе нужно, – это добиться всего самому. Понимаешь?

Я сказал тогда, что ничего не понял, но с тех пор старался делать все, что он мне говорил. Это касалось и увлечения Египтом, и баскетбола, и музыки. А также обыкновения путешествовать налегке, с одним чемоданом. И одевался я всегда так, как хотел папа, потому что папа обычно не ошибался. Да я вообще не припомню, чтобы он когда-нибудь в чем-нибудь ошибался... до того самого вечера в Британском музее.

Выбора у меня не оставалось, и я вырядился в холщовую одежду из шкафа. Обнаруженные там же шлепанцы оказались очень даже удобными, вот только бегать в них плохо, подумал я.

Дверь в комнату Сейди оказалась не заперта, но самой ее в спальне не было.

Дверь в мою комнату тоже кто-то отпер, так что у меня отлегло от сердца. Пышка выскочила на галерею вместе со мной, и мы отправились на первый этаж, минуя по пути множество пустующих спален. Наверно, в этом особняке можно разместить кучу народу, но сейчас он был пуст, и от этого становилось грустно.

В Большом Зале мы обнаружили павиана Хуфу: он восседал на диване, зажав в задних лапах баскетбольный мяч, а в передних – кусок странного на вид мяса. Он был с ног до головы засыпан розовыми перьями и смотрел телевизор: по

спортивному каналу как раз передавали результаты вчерашнего матча.

– Привет, – поздоровался я, хотя беседовать с обезьяной было немного непривычно. – Ну как там «Лейкерс»? Выиграли?

Хуфу уставился на меня и, оживленно заворчав, принялся стучать по мячу, как будто приглашая поиграть.

К подбородку у него тоже прилипло белое перо, отчего у меня в животе что-то неприятно заворочалось.

– Хм, да-да, – сказал я. – Обязательно поиграем, только попозже, ладно?

Я уже видел Сейди и Амоса: они сидели на террасе снаружи, возле бассейна, и завтракали. Погода наверняка была прохладная, однако в очаге горел уютный огонь, и по виду сестры и дяди мне не показалось, что они мерзнут. Поэтому я тоже направился к ним, задержавшись немного возле изваяния Тота. При свете дня ибисоголовый бог уже не казался таким жутким, и все же я готов был поклясться, что его птичьи глазки внимательно следят за мной, словно чего-то выжидая.

Что там говорил ночью тот огненный человек? Насчет того, что нас нужно схватить прежде, чем мы осознали собственное могущество. Звучало довольно смехотворно, но в тот момент я вдруг почувствовал, будто на меня в самом деле снизошла небывалая сила, – совсем как накануне вечером, когда я открыл дверь особняка простым движением руки. И

сейчас мне почудилось, что я мог бы поднять все, что угодно, если бы захотел, – даже это тридцатифутовое каменное изваяние. Словно в трансе, я шагнул вперед...

Пышка нетерпеливо мякнула и ткнулась мне в ноги. Странное чувство тут же рассеялось.

– Ты права, – кивнул я кошке. – Дурацкая была идея.

Снаружи до меня донеслись аппетитные запахи: свежие тосты, жареный бекон, горячий шоколад... Понятно, куда так торопится Пышка. И правильно делает.

– А вот и Картер, – поприветствовал меня Амос. – Счастливого Рождества, мой мальчик. Садись к столу.

– Наконец-то, – буркнула Сейди. – Сколько можно ждать. Я уже сто лет назад проснулась.

Хоть она и ворчала, но когда наши глаза встретились, я понял, что мы с ней подумали об одном и том же: Рождество. Мы не встречали Рождество вместе с тех самых пор, как умерла мама. Я задумался – помнит ли Сейди, как мы с ней мастерили украшения «око бога» из разноцветной пряжи и палочек от мороженого...

Амос налил себе кофе. Одет он был примерно так же, как и накануне, и я был вынужден признать, что уж он-то знает, что такое стиль. Отлично пошитый костюм из синей шерсти, такого же цвета фетровая шляпа, в обновленные косички вплетены бусины лазурита – синего камня, из которого любили мастерить украшения египтяне. Даже очки были подобраны по цвету, с темно-синими стеклами. На подставке

возле очага покоился тенор-саксофон – и я тут же живо представил себе, как дядя выводит серенады над просторами Ист-Ривер.

Сейди же была одета в просторные холщовые штаны и рубаху вроде моих, только ей каким-то образом удалось оставить при себе армейские ботинки. Наверно, она так и спала в них, не снимая. Со своими красными прядями смотрелась она в этом наряде довольно комично, но поскольку я и сам выглядел ничуть не лучше, дразнить ее мне не хотелось.

– Э-э... Амос? – окликнул я дядю. – Ты, случайно, не держишь дома каких-нибудь птиц? А то Хуфу слопал кого-то с розовыми перьями.

– Ммм. – Дядя явно наслаждался кофе. – Прости, если тебе это показалось неприятным. Хуфу, знаешь ли, очень приередлив в еде. Ему годится лишь та пища, название которой кончается на «о». Дорито, буррито, фламинго...

Я растерянно моргнул.

– Хочешь сказать, что...

– Картер, – вмешалась Сейди с таким видом, будто ее подташнивает, и я сообразил, что она, наверное, уже успела побеседовать с дядей на эту тему. – Пожалуйста, не спрашивай.

– Ясно, – кивнул я. – Не буду.

– Прошу тебя, Картер, угощайся, – сказал Амос, махнув рукой в сторону буфетной стойки, заставленной всякой вкуснятиной. – А потом приступим ко всяким объяснениям-разъяснениям.

Блюда с фламинго я не заметил, но не сильно огорчился, потому что там было полно всего другого. Я навалил себе целую тарелку блинчиков с маслом и кленовым сиропом, добавил жареной ветчины и прихватил стакан апельсинового сока.

Таща все это к столу, я заметил краем глаза какое-то движение в бассейне. Что-то длинное и бледное скользнуло под самой поверхностью воды.

Я чуть не выронил тарелку.

– Это что...

– Крокодил, – сообщил Амос. – Наш талисман. Он альбинос, но не стоит упоминать об этом при нем. Он очень чувствительный.

– Его зовут Филип Македонский, – известила меня Сейди.

Меня, признаюсь, сильно удивило, что Сейди восприняла присутствие крокодила так спокойно. Но раз уж ее это не шокирует, решил я, то и я сделаю вид, что в соседстве с живым крокодилом нет ничего необычного.

– Длинноватое у него имя, – заметил я.

– Он и сам довольно длинный, – сказала Сейди. – И кстати, очень любит ветчину.

В подтверждение своих слов она швырнула ломтик ветчины через плечо. Филип свечкой выскочил из воды, ловко схватив добычу в полете. Я наконец разглядел его. И впрямь альбинос: шкура чисто-белого цвета, глаза розовые. А пасть он раскрывал так широко, что в нее легко поместился бы це-

лый поросенок.

– Для моих друзей он совершенно безобиден, – успокоил меня Амос. – Знаете, в прежние времена при каждом храме непременно было озеро с крокодилами. Эти существа наделены большой магической силой.

– Понятно, – сказал я. – Значит, павиан, крокодил... Может, у тебя есть и еще какие-нибудь экзотические питомцы, о которых мне стоило бы знать?

Амос на минутку задумался.

– Если ты про видимых, то это все, других нет.

Я сел к столу, стараясь разместиться подальше от бассейна. Пышка с урчанием крутилась у моих ног. Я от всей души понадеялся, что ей хватит здравомыслия держаться в стороне от магического крокодила по имени Филип.

– Ну так что, Амос? – проговорил я, уплетая блины. – Ты обещал объяснения-разъяснения.

– Обещал, – согласился он. – С чего бы только начать?

– С нашего папы, – тут же сказала Сейди. – Что с ним произошло?

Амос сделал глубокий вдох.

– Джулиус попытался призвать бога. И, к сожалению, ему это удалось.

Довольно трудно было воспринять разговор про богов всерьез, глядя, как Амос деловито намазывает маслом рогалик.

– Какого-нибудь определенного бога? – поинтересовался

я тоном светской беседы. – Или ему сгодился бы любой?

Сейди насупилась и пнула меня под столом. Судя по всему, она действительно верила в то, о чем говорил Амос.

Амос с аппетитом откусил от рогалика, пожевал.

– Египетский пантеон насчитывает множество богов, Картер. Но твоему отцу был нужен один. Вполне определенный.

И он многозначительно посмотрел на меня.

– Осирис, – вспомнил я. – Когда папа стоял перед Розеттским камнем, он сказал: «Осирис, приходи». Но ведь Осирис – это всего лишь легенда. Выдумка.

– Хотел бы я, чтобы это было так, – негромко сказал Амос, задумчиво окидывая взглядом пролив и небоскребы Манхэттена на той стороне, освещенные утренним солнцем. – Но знаешь, Картер, древние египтяне были не дураки. Они построили пирамиды, создали первое могущественное государство, и их цивилизация просуществовала не одно тысячелетие.

– Ага, – сказал я. – Но сегодня-то от нее ничего не осталось.

– Столь великое наследие не исчезает бесследно, Картер, – покачал головой Амос. – По сравнению с египтянами греки и римляне с их империями – просто дети. А современные державы вроде Великобритании и Америки – и вовсе мгновение в масштабах истории. Вся современная цивилизация, по крайней мере западная, выросла из египетского корня. Вспомни изображение пирамиды на долларовых купюрах

или Монумент Вашингтона, построенный в виде огромного египетского обелиска. Наследие Древнего Египта можно увидеть повсюду. И их боги тоже, к сожалению, никуда не исчезли.

– Да ладно тебе. В смысле... я, конечно, верю, что существуют вещи, которые иначе как магией не объяснишь. Но все-таки вера в древних богов – это уже чересчур. Ты ведь пошутил, верно?

Уже произнося эти слова, я подумал о том огненном человеке из музея и вспомнил, как сквозь его человеческое лицо проступал оскал зверя. Да еще эта статуя Тота, которая так и следила за мной глазами...

– Картер, – снова заговорил Амос, – египтяне были не настолько глупы, чтобы верить в придуманных богов. Существа, которые описываются в древних мифах, вполне реальны. В древние времена египетские жрецы умели призывать богов, черпая от их силы и творя великие чудеса. Именно от них пришло в мир явление, которое мы сегодня назвали бы волшебством. Египтянам принадлежит множество удивительных изобретений, и магия в их числе. При каждом храме существовало собрание магов, которое носило название Дом Жизни. И слава этих магов гремела по всему древнему миру.

– Значит, ты тоже египетский маг?

Амос кивнул.

– И я, и ваш отец тоже. Прошлой ночью вы могли убедиться в этом собственными глазами.

Я заколебался. Трудно отрицать, что прошлой ночью в музее отец и впрямь творил странные вещи, действительно похожие на магию.

– Но он же археолог, – упрямо возразил я.

– Это скорее его легенда, прикрытие. Ты же помнишь, что в основном он специализировался на расшифровке древних заклинаний, которые очень трудно понять, если сам не владеешь магией. Наш род, род Кейнов, принадлежит к числу основателей Дома Жизни. И семья твоей матери – почти такие же древние маги.

– Фаусты? – поразился я.

Я тут же попытался представить себе бабушку и дедушку за проведением магических обрядов, но воображение мне отказывало. Если, конечно, эти обряды не заключались в просмотре матчей регби по телевизору или приготовлении несъедобного печенья.

– Они не практиковали магию уже много поколений, – признал Амос. – Пока на свет не появилась твоя мама. И все равно, это очень старинный магический род.

Сейди с недоверием потрясла головой.

– Так что, мама тоже была волшебницей, что ли? Это шутка такая?

– Никаких шуток, – твердо сказал Амос. – А вы оба... в вас сочетается кровь двух древних семейств, у каждого из которых своя долгая и непростая история взаимоотношений с богами. Вы самые могущественные из потомков рода Кей-

нов, родившиеся за последние столетия.

Я подавленно молчал, пытаясь усвоить сказанное. Пока что никакой великой силы я в себе не чувствовал. Скорее наоборот – чувствовал слабость, страх и неуверенность.

– Хотите сказать, что наши родители тайно поклонялись богам с головами животных? – мрачно спросил я.

– Нет, не поклонялись, – поправил меня Амос. – Египтяне давным-давно поняли, что их богам поклоняться не следует. Это могущественные существа сродни первобытным стихиям, но, несмотря на свою сверхъестественную природу, они не имеют в себе ничего истинно божественного. Они во многом подобны смертным, только наделены гораздо большими возможностями. Мы можем почитать их, бояться их, пользоваться их силой и даже сражаться с ними, чтобы они не выходили из-под контроля...

– Сражаться с богами? – ошарашенно перебила его Сейди.

– Мы все время этим занимаемся, – пожал плечами Амос. – Но мы не поклоняемся им. Так научил нас Тот.

Нет, у дядюшки определенно не все дома. Я посмотрел на Сейди в поисках поддержки, но она во все глаза следила за Амосом, жадно ловя каждое его слово.

– Но тогда... – заговорил я, – зачем тогда папа разбил Розеттский камень?

– О, я не думаю, что он собирался делать это, – заверил меня Амос. – Сама эта идея привела бы его в ужас. Впрочем, думаю, члены нашего братства в Лондоне уже исправи-

ли нанесенный камню ущерб. Полагаю, что когда смотритель музейной коллекции в очередной раз наведается в хранилище, то обнаружит, что Розеттский камень чудом уцелел при взрыве.

– Но его же разнесло на мелкие кусочки! – заспорил я. – Как же его можно восстановить?

Вместо ответа Амос взял со стола блюдце и уронил его на каменный пол. Блюдце тут же разлетелось вдребезги.

– То, что я продемонстрировал, есть разрушение, – пояснил Амос. – То же самое я мог бы проделать с помощью магии – заклинанием ха-ди, – но так проще. А теперь... – Амос поднял руку. – Воссоединение. *Хи-нем.*

Над его ладонью прямо в воздухе вспыхнули синим фигуры иероглифа.

Осколки блюда тут же поднялись в воздух, влетели Амосу в руку и собрались воедино, как кусочки головоломки. Даже мельчайшие отколовшиеся пылинки нашли свое место. Амос вернул безупречное блюдо на стол.

– Отличные фокус.

Я старался говорить небрежно, но на самом деле в эту минуту я вспоминал все те странности, которые приключались с папой и со мной за прошедшие годы. Вроде тех вооруженных арабов, которые напали на отель в Каире и бесславно повисли вверх ногами на люстре. Неужели папа добился этого с помощью каких-то магических заклинаний?

Амос как ни в чем не бывало налил в «воскрешенное» блюдечко молока и поставил его на пол. Пышка тут же устроилась рядом с ним и принялась лакать.

– Твой отец ни за что и никогда не стал бы нарочно уничтожать бесценную реликвию. Он просто не осознавал, какую мощь таит в себе Розеттский камень. Понимаешь ли, когда величие Египта стало угасать, древняя магия стала накапливаться и концентрироваться в различных артефактах. Большинство из них по-прежнему находится в Египте, однако кое-что можно отыскать практически в каждом крупном музее за его пределами. А любой мало-мальски сведущий маг умеет использовать эти артефакты в качестве фокусной точки для усиления своих заклинаний.

– Ничего не понимаю, – признался я.

– Уж прости, Картер, – развел руками Амос. – Чтобы

научиться хоть немного разбираться в магии, нужны годы упорного труда, а я пытаюсь объяснить тебе базовые принципы за одно-единственное утро. Самое же главное, что тебе следует знать, заключается вот в чем: последние шесть лет твой отец неустанно искал способ вызвать Осириса, и наконец вчера ночью он решил, что нашел именно тот артефакт, который нужен для проведения обряда.

– Подождите... А зачем ему понадобился Осирис?

Я перехватил взгляд Сейди, и он меня насторожил.

– Картер, Осирис ведь является повелителем загробного мира. Помнишь, папа говорил, что хочет все исправить? Так вот, он говорил о маме.

В воздухе вдруг повеяло холодом, пламя в очаге затрепетало от налетевшего с реки ветра.

– Он что, хотел вернуть маму из мира мертвых? Что за безумие!

– Да нет, Картер, – негромко сказал Амос. – Замысел твоего отца можно назвать рискованным, сомнительным, даже попросту глупым... но не безумным. Не забывай, твой отец – могущественный маг. И если уж он всерьез за это взялся, он вполне мог достичь своей цели, используя силу Осириса.

Я уставился на Сейди.

– Ты что, правда веришь в эту ахинею?

– Ты ведь видел, как отец творил магию в музее. И видел того огненного типа. Наш отец вызвал кого-то из камня.

– Ага, – протянул я, вспоминая свой сегодняшний сон. –

Только это оказался не Осирис, верно?

– Верно, – согласился Амос. – Ваш отец получил больше, чем просил. На самом деле ему удалось освободить дух Осириса. По сути дела, я полагаю, что он успешно слился с божеством...

– Слился? Как это?

Амос беспомощно вскинул руки.

– Это опять-таки сложно объяснить в двух словах. Пока позвольте просто сказать, что он принял силу Осириса в себя. Однако воспользоваться ею так и не сумел. Насколько я понял со слов Сейди, Джулиус высвободил из Розеттского камня не одного бога, а сразу пятерых. Пять божеств, которые оказались заперты в этой ловушке все вместе.

Не выдержав, я в гневе повернулся к Сейди:

– Ты что, все ему рассказала?

– Картер, но он же хочет нам помочь!

Я пока не был готов полностью довериться Амосу, хоть он и приходился нам родным дядей. Однако, похоже, выбора у меня не было.

– Ладно, пусть, – смирился я. – Тот огненный человек сказал что-то вроде «Ты выпустил всех пятерых». Что он имел в виду?

Амос с отстраненным видом хлебнул кофе, неожиданно напомнив мне отца, каким я часто видел его в последнее время.

– Не хочется мне вас пугать.

– Да поздно уже.

– Ну хорошо, тогда слушайте. Боги Древнего Египта очень опасны. Последние пару тысяч лет мы, маги, практически только тем и занимались, что сдерживали их, не давая проникнуть в наш мир, и изгоняли обратно. Вообще-то самый главный закон нашего магического братства, изданный Верховным Чтецом Искандаром еще во времена римлян, запрещает высвобождать богов или использовать их силу. Ваш отец уже однажды нарушил этот запрет.

Сейди резко побледнела.

– Это имеет какое-то отношение к маминой смерти? И к Игле Клеопатры в Лондоне?

– Имеет, и еще какое. Понимаешь, Сейди, ваши родители... Они были убеждены, что действуют во благо. Они пошли на огромный риск, и в итоге вашей маме это стоило жизни. Ваш отец принял всю вину на себя. Его исключили из братства, можно сказать, отправили в изгнание. Дом не спускал с него глаз, следил за каждым его шагом, поэтому ему приходилось все время переезжать с места на место. Они опасались, что он снова примется за свои... изыскания. А он их и не оставлял.

Мне сразу вспомнилось, как часто отец тревожно оглядывался через плечо, копируя какие-нибудь древние письма, или ни с того ни с сего вытаскивал меня из постели в три часа ночи, твердя, что нам срочно нужно переехать в другую гостиницу. Вспомнилось, как он запрещал мне заглядывать

в его сумку или срисовывать какие-нибудь изображения со стен старых храмов – так строго, будто от этого зависела наша жизнь.

– Так ты поэтому никогда не появлялся рядом? Потому что папу изгнали и ты больше не хотел с ним знаться? – напустилась на Амоса Сейди.

– Дом запретил мне общаться с ним. Я очень любил Джулиуса, Сейди. И мне было очень больно, что я вынужден держаться в стороне и от брата, и от вас, моих племянников. Но я просто не имел возможности с вами видеться, вплоть до вчерашнего вечера, когда я попросту не мог оставаться безучастным и не попытаться помочь. Джулиус уже несколько лет с навязчивым упорством разыскивал Осириса. Горе и чувство вины за то, что случилось с вашей мамой, совсем извели его. Когда же мне стало ясно, что Джулиус собирается снова нарушить закон Искандара, чтобы попытаться исправить прежние ошибки, я понял, что должен его остановить, ведь повторное преступление против главного закона магии карается смертью. Увы, моя попытка вразумить его провалилась. Хотя уж я-то должен был знать, до чего он упрям.

Я сидел, уставившись в тарелку с давно остывшей едой. Пышка вспрыгнула на стол и с урчанием потерлась о мою руку, косясь на недоеденный завтрак. Не встретив возражений с моей стороны, она нахально подседа поближе и принялась за бекон.

– Вчера ночью, – снова заговорил я, – в музее появились

девушка с ножом и мужчина с раздвоенной бородой. Они тоже маги? Из Дома Жизни?

– Да, – кивнул Амос. – Как раз им поручено следить, чтобы ваш отец не натворил ничего запретного. Вам повезло, что они вас не тронули.

– Вообще-то девушка хотела нас прикончить, – вспомнил я. – А тот дядька с бородой сказал, что еще не время.

– На убийство они идут только в случае крайней необходимости, – сказал Амос. – Пока они будут ждать, выясняя, представляете ли вы угрозу.

– А какая в нас может быть угроза? – удивилась Сейди. – Мы же просто дети! И про вызывание богов мы ничего не знали.

Амос со вздохом отодвинул тарелку.

– Как вы думаете, почему вас растили по отдельности?

– Потому что Фаусты привлекли папу к суду, – сказал я как само собой разумеющееся. – И он проиграл.

– На самом деле тому есть и другая причина. Это Дом настоял, чтобы вас держали врозь. А ваш отец мечтал оставить себе вас обоих, хоть и понимал, насколько это опасно.

– Правда? Он так хотел?

У Сейди был такой ошалелый вид, словно кто-то как следует треснул ее по макушке.

– Ну конечно, очень хотел. Но тут вмешался Дом и устроил так, чтобы ты оказалась на попечении бабушки с дедушкой. Дело в том, что если бы ты и Картер росли вместе, ва-

ша общая сила могла бы стать колоссальной. Возможно, за последние дни вы и сами почувствовали в себе какие-то перемены.

Я тут же подумал о странных приливах силы, которые почувствовал в этом доме, а еще о невесте откуда взявшемся умении Сейди читать древнеегипетские иероглифы. И тут мне вспомнилось еще одно событие – куда более давнее.

– Помнишь твой день рождения, когда тебе исполнилось шесть? – спросил я Сейди.

– Торт, – тут же откликнулась она, и общее воспоминание вспыхнуло между нами электрическим разрядом.

На семейном празднике в честь шестого дня рождения Сейди – последнего, которое мы справляли все вместе, – мы с сестрой здорово поссорились. Я уже даже не помню из-за чего. Из-за какой-то ерунды, точно. Кажется, я попытался задуть свечки вместо нее. Мы разорались, она вцепилась в мою рубашку, я толкнул ее... Помнится, папа кинулся нас разнимать, но не успел: именинный торт Сейди взорвался. Все вокруг было заляпано кремом: стены, наши родители, приглашенная в гости к Сейди малышня... Мама с папой растащили нас в стороны, и меня прогнали к себе в комнату. Потом родители говорили, что мы случайно столкнули торт во время потасовки, но я-то знал, что дело не в этом. Торт правда взорвался сам по себе, словно в ответ на нашу злость. В памяти всплыла куча красочных подробностей: Сейди голосит с куском бисквита на лбу, к потолку прилипла свеч-

ка, и ее фитиль каким-то чудом продолжает гореть, и кто-то из взрослых, приглашенных родителями, стряхивает с очков белые хлопья глазури.

Я резко повернулся к Амосу.

– Ты тоже там был. На дне рождения Сейди.

– Ванильный крем, – тут же отозвался он. – Вкусная штука. Однако уже тогда нам стало ясно, что растить вас обоих под одной крышей будет непросто.

– И что же... – Я запнулся. – Что же нам делать теперь?

Я бы в жизни в этом не признался, но мысль о повторном расставании с Сейди показалась мне просто невыносимой. Конечно, она не подарок, но, кроме нее, у меня никого не осталось.

– Придется всерьез заняться вашим обучением, – сказал Амос. – Хотя Дом вряд ли это одобрит.

– А почему они могут этого не одобрить? – спросил я.

– Не беспокойтесь, об этом мы тоже поговорим. Однако, если мы намерены разыскать вашего отца и исправить все, что он натворил, ваше обучение нужно начинать немедленно. В противном случае весь мир окажется под угрозой. Если бы только знать, где...

– Финикс, – внезапно вырвалось у меня.

– Что ты сказал? – уставился на меня Амос.

– Сегодня ночью я видел... в общем, это был не совсем сон...

Чувствуя себя полным идиотом, я все-таки пересказал

ему все, что случилось со мной, пока я спал.

По мере моего рассказа лицо Амоса все больше мрачнело, так что я понял: новости оказались еще хуже, чем мне подумалось вначале.

– Ты уверен, что он сказал «подарок ко дню моего рождения»? – переспросил он.

– Уверен, но что это значит?

– А насчет постоянного хозяина, – продолжал допытываться Амос, – он точно пока им не обзавелся?

– Ну, по крайней мере, так сказал тот когтистый тип...

– Это был демон, – сказал Амос. – Посланец хаоса. И если демоны во плоти расхаживают по миру смертных, значит, времени у нас осталось совсем мало. Плохо, очень плохо.

– Для тех, кто живет в Финиксе, уж точно ничего хорошего, – согласился я.

– Картер, наш враг не остановится на Финиксе. И если он достиг такого могущества так быстро... Что он там говорил насчет бури, дословно?

– Он сказал: «Я вызову невиданную по силе бурю».

Амос помрачнел еще больше.

– Последний раз, когда он говорил такое, на Земле появилась Сахара. Буря такой силы может начисто уничтожить весь североамериканский континент, а порожденная ею энергия хаоса сделает нашего врага почти неуязвимым.

– Да о ком вообще вы говорите? Кто он, это тип?

Амос только отмахнулся.

– Сейчас меня гораздо больше интересует другое: почему ты вдруг решил спать без подушки?

– Да просто он очень неудобный, – ответил я, пожимая плечами, и обратился за поддержкой к Сейди:

– Ты ведь тоже не стала им пользоваться?

Сейди округлила глаза.

– Само собой, я им воспользовалась. Очевидно же, что он лежал на кровати не просто так.

Так иногда и придушил бы свою сестрицу. (Эй, хватит пинаться! Больно же!)

– Картер, – сказал Амос, явно стараясь держать себя в руках. – Ты должен понимать, что когда человек спит, он особенно уязвим. Сон – это ворота в Дуат.

– Опять начинается, – буркнула Сейди. – Нельзя выражаться яснее?

– Да... прошу прощения, – спохватился Амос. – Дуат – это мир духов и магии. Он находится под нашим миром и представляет собой огромный океан, только состоящий из разных слоев и областей. Прошлой ночью мы только чуть-чуть погрузились в него, чтобы попасть в Нью-Йорк, потому что путешествовать через Дуат гораздо быстрее. Когда ты заснул, Картер, твое сознание было подхвачено мельчайшим из течений этого океана и перенесено в Финикс. Тебе очень повезло, что ты не пострадал. Но чем глубже ты погружаешься в Дуат, тем более страшные видения предстают твоим глазам и тем труднее вернуться обратно. В этом ми-

ре есть целые царства, населенные демонами, и немислимые дворцы, в которых обитают боги в своем истинном обличе, от одного взгляда на которое человека может испепелить на месте. Там есть темницы, в которых заперто такое страшное зло, что о нем даже говорить нельзя, и есть глубочайшие пропасти и расселины, в которые не отваживаются погружаться даже боги. Сейчас, когда твоя сила пробуждается, ты просто не имеешь права засыпать без надежной защиты. В противном случае на тебя могут напасть какие-нибудь враждебные сущности из Дуата... или ты сам рискуешь невольно попасть в него. Поэтому впредь обязательно пользуйся подголовником. На него наложены особые чары, которые не дадут твоему сознанию отделяться от тела.

– То есть ты хочешь сказать, что я и в самом деле...

Во рту у меня появился мерзкий металлический привкус – наверно, от ужаса.

– Значит, он мог убить меня там?

Взгляд Амоса посуровел.

– Тот факт, что твоя душа способна совершать столь дальние путешествия, означает, что ты делаешь большие успехи, и гораздо быстрее, чем я ожидал. Пожалуй, даже быстрее, чем это вообще считалось возможным. И если Красный Властелин заметил тебя...

– Красный Властелин? – перебила Сейди. – Это он и есть, тот огненный?

Амос решительно поднялся на ноги.

– Мне нужно срочно кое-что выяснить. Мы не можем просто сидеть сложа руки и ждать, пока он найдет тебя. А если он вызовет бурю в день своего рождения, когда его могущество достигнет вершины...

– Ты что, собрался в Финикс? – не веря своим ушам, ахнул я. – Амос, тот огненный человек расправился с папой в два счета, как будто вся его магия была просто шуткой. А теперь у него еще демоны в подручных, и сам он стал гораздо сильнее. Амос, он тебя убьет!

Амос в ответ сухо улыбнулся. Надо полагать, он и сам прекрасно сознавал все угрожающие ему опасности и в напоминаниях не нуждался. Глядя на его решительное лицо, я снова с болью вспомнил папу.

– Зря ты так быстро списал своего дядюшку со счетов, мой мальчик. Не так уж я безнадежен. Моя магия кое-чего стоит, а кроме того, я просто обязан выяснить, есть ли у нас шансы спасти твоего отца и остановить Красного Властелина. Обещаю, что буду осторожен и вернусь как можно скорее. А вы ждите меня здесь. Пышка будет вас охранять.

Я растерянно замигал.

– Ты оставляешь нас одних под охраной кошки? Но ты не можешь сейчас уйти! А как же наше обучение?

– Как только вернусь, мы продолжим, – пообещал Амос. – И не бойтесь, этот дом надежно защищен. Только никуда не выходите и никому не открывайте дверь. А самое главное – ни при каких обстоятельствах не входите в библиотеку. Это

категорически запрещено, слышите? Я вернусь к закату.

Прежде чем мы успели возразить, Амос преспокойно подошел к краю террасы и спрыгнул.

– Нет! – завопила Сейди.

Мы бросились к перилам, огораживающим край террасы, и со страхом глянули вниз. В ста футах внизу поплескивали волны Ист-Ривер... и все. Никаких следов Амоса. Он попросту испарился.

В бассейне громко плюхнул Филип Македонский. Пышка вспрыгнула на перила и принялась настойчиво тыкаться в наши руки, требуя, чтобы ее почесали.

Мы остались одни в странном доме в компании с павианом, крокодилем и чудаковатой кошкой. И с сознанием того, что всему миру угрожает страшная опасность.

Я поглядел на Сейди.

– Ну и что нам делать?

– А разве не ясно? – заявила моя сестренка, решительно скрепя руки на груди. – Пойдем исследовать библиотеку!

Я роняю человечка головой вниз

Сейди

Честно говоря, иногда Картер ведет себя до того тупо, что мне просто не верится, что мы с ним родня.

Ведь ясно же: если кто-то говорит «я запрещаю делать то-то и то-то», это верный знак, что как раз именно этим и стоит заняться! Я прямиком направилась к дверям в библиотеку.

– Эй, погоди! – крикнул Картер. – Ты ведь не можешь просто взять и...

– Послушай, братец, – сказала я, – у тебя что, душа опять странствовала по неведомым мирам, пока Амос нам все объяснял? Ты слышал хоть слово из того, что он говорил? Повторяю для особо одаренных: египетские боги существуют

на самом деле. Красный Властелин тоже, и он очень плохой. Возрождение Красного Властелина – это тоже очень, очень плохо. И к тому же очень скоро. Дом Жизни – это сборище вздорных престарелых магов, которые терпеть не могут нашу семейку, потому что наш папа, видите ли, посмел нарушить установленные ими законы. Кстати, кое-чему тебе стоило бы у него поучиться. В итоге мы – именно мы – имеем следующее: папа пропал неведомо куда, злобный и очень сильный бог собирается уничтожить мир, а новообретенный дядюшка, который мог бы нам помочь, спрыгнул с крыши – и, сказать по правде, я его за это не виню.

Тут я перевела дух (да, Картер, представь себе, мне тоже иногда нужно дышать) и продолжила:

– Я ничего не упустила? Ах да, еще у меня имеется братец, происходящий из древнего рода волшебников – великого, могучего и все такое, но он слишком трусоват, чтобы зайти в библиотеку. Так ты все-таки идешь или нет?

Картер растерянно заморгал, как будто я его ударила. Сказать по правде, наверное, отчасти оно так и было.

– Да я только... – промямлил он, – только подумал, что нам нужно действовать осторожно.

Мне стало ясно, что бедняга и в самом деле сильно напуган. Я его в этом не винила, и все-таки Картер меня удивил. В конце концов, он ведь мой старший брат. Он сильнее, умнее, и мир успел повидать куда больше моего – вон сколько они путешествовали с папой. Старшим братьям не полагает-

ся всерьез обижать сестер, а младшим сестрам позволено задирать их и лупить, как только вздумается, правда ведь? Но тут до меня дошло, что, возможно, я была чуть-чуть – самую капельку! – резковата с ним.

– Послушай, – заговорила я снова. – Мы ведь должны помочь папе, верно? А в этой библиотеке наверняка хранятся какие-нибудь мощные магические штуки. Иначе Амос не стал бы прятать их под замок. Ты ведь хочешь помочь папе?

– Ну да... само собой... – смущенно отозвался Картер, переминаясь с ноги на ногу.

Что ж, с этой проблемой мы разобрались. Правда, как только мы зашагали в сторону библиотеки, немедленно возникла следующая. Увидев, куда мы направляемся, Хуфу слетел с дивана, не выпуская из лап баскетбольного мяча, и тут же возник перед дверями библиотеки, злобно ворча и скалясь. Должна признать, павианы умеют двигаться на редкость быстро... и клыки у них просто огромные. Бедные розовые экзотические птички.

Картер не придумал ничего лучше, чем попытаться вступить с ним в переговоры:

– Хуфу, послушай, мы ведь не собираемся ничего красть. Мы просто посмотрим и...

– Агх! – рыкнул павиан, яростно стуча мячом об пол.

– Ох, Картер, никакого от тебя толку, – сказала я, отпихивая его локтем. – Хуфу, смотри-ка, что у меня есть... тадам! – и я потрясла коробочкой кукурузных хлопьев, преду-

смотрительно прихваченной со стола, когда мы завтракали. – Называется «Чирио»! Кончается на «о», как ты любишь. М-м-м, вкуснятина!

– Агх-агх! – тут же заворчал Хуфу, но теперь скорее нетерпеливо, чем злобно.

– Хочешь? – проворковала я. – Тогда забирай их и иди обратно на диван, понял? И сделай вид, что ты нас не видел.

Я швырнула коробку в сторону дивана, павиан тут же кинулся следом и ловко поймал ее прямо на лету. После чего с довольным ворчанием вспрыгнул на каминную полку и принялся жадно потрошить упаковку, пытаясь заглотить все хлопья разом.

Картер покосился на меня с невольным восхищением.

– А откуда у тебя...

– Некоторые из нас умеют думать наперед. Ладно, теперь давай откроем двери.

Легко сказать. Двери были сделаны из прочного дерева, да еще обмотаны толстыми стальными цепями с висячими замками. По-моему, для библиотеки это был перебор.

Картер выступил вперед и попытался воздействовать на двери поднятием руки. Но хотя накануне перед входом в дом он выступил очень эффектно, сегодня фокус не сработал.

Тогда он попробовал по старинке подергать и потрясти замки и цепи, но тоже не добился успеха.

– Плохо дело, – приуныл он, отступая.

Я снова почувствовала ледяное покалывание в затылке.

И мне в голову тут же пришла одна идея, как будто кто-то нашептал мне ее на ухо.

– Что за слово произнес сегодня Амос за завтраком, когда показывал свой трюк с блюдцем?

– Для того чтобы склеить его снова? – переспросил Картер. – Хи-нем или что-то в этом роде.

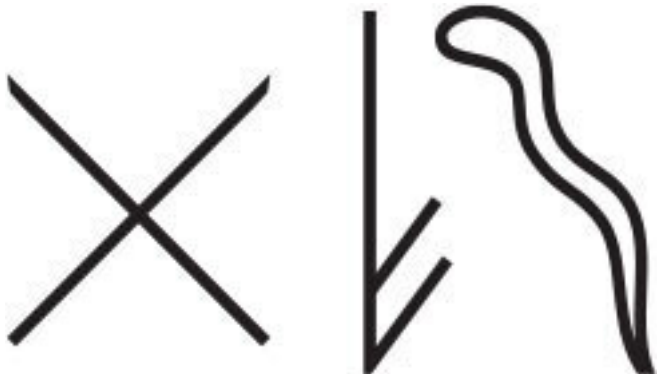
– Да нет, другое. Которое используется для разрушения.

– А-а. Кажется, ха-ди. Но только, чтобы его использовать, нужно знать магию и иероглифы, а мы их не знаем. И даже тогда...

Я направила на дверь руку с двумя вытянутыми пальцами и прижатым к ним большим, как будто изображая пистолет. Станный жест – я никогда не делала его раньше, и громко произнесла:

– Ха-ди!

Возле самого большого замка вспыхнули ярким золотом линии иероглифов.

И тут дверь рванула. Картер упал на пол. Обрывки цепей и обломки дерева просвистели над его головой, разлетевшись по всему Большому Залу. Когда пыль немного осела, Картер осторожно поднялся, стряхивая с себя мелкие щепки. Меня вроде не задело. Пышка с довольным мяуканьем вертелась у моих ног, как будто ничего особенного не произошло.

Картер растерянно уставился на меня.

– Как это ты...

– Понятия не имею, – призналась я. – Зато теперь библиотека открыта.

– А тебе не кажется, что ты слегка перестаралась? Готов поспорить, дядя нас по головке не погладит...

– Да ладно тебе! Просто потом еще поколдуем немножко, чтобы склеить все как было!

– Ох, нет уж, давай ты больше не будешь колдовать, – по-

ежился Картер. – Нас же чуть не убило этим взрывом.

– А, так ты думаешь, что это заклинание можно применить и к человеку...

– Нет! – воскликнул он, опасливо отступая назад.

Забавно было видеть, как он испугался, но я постаралась сдержать улыбку.

– Ну что, айда в библиотеку?

Вообще-то Картер зря трусил. Сказать по правде, я сейчас не смогла бы повторить заклинание, даже если бы захотела. Я и на ногах-то едва держалась от внезапно нахлынувшей слабости.

Шагнув вперед, я оступилась, но Картер успел меня подхватить.

– Эй, ты в порядке?

– В полном, – с трудом выговорила я, хотя на самом деле голова у меня кружилась, а ноги подкашивались. – Просто устала что-то... и проголодалась.

Как будто в подтверждение этих слов в животе у меня забурчало.

– Ты же только что позавтракала.

Я помнила об этом, но все равно чувствовала себя так, словно не ела целый месяц.

– Да ничего страшного, – отмахнулась я. – Переживу как-нибудь.

Картер скептически покосился на меня и переключился на другую тему.

– Иероглифы, которые начертила ты, были золотого цвета. А у папы и Амоса они получались голубыми. Интересно, почему?

– Может, у каждого мага свой цвет, – предположила я. – Твои, наверно, будут такими розовенькими...

– Ага, очень смешно.

– Ладно, колдунишка, – сказала я. – Пойдем внутрь.

Библиотека оказалась настолько потрясающей, что я даже забыла про свое недомогание. Начать с того, что она оказалась намного больше, чем я ожидала. Такое огромное круглое помещение, глубоко врезанное в сплошную скалу, как гигантский колодец или шахта. Это было очень странно, учитывая, что весь особняк располагался на крыше складского здания, но в этом месте вообще мало что вязалось с реальностью.

От платформы у входа, на которой мы оказались, на три этажа вниз спускалась лестница. Пол, стены и купол потолка были покрыты многоцветной росписью, изображающей людей, богов и чудовищ. Похожие картинки я видела в папиных книжках (ладно, признаюсь, иногда, оказавшись в книжном магазине на Пиккадилли, я забредала в отдел Древнего Египта и листала книги, написанные папой, – не потому, что они меня особенно интересовали, а просто чтобы почувствовать его присутствие), однако книжные иллюстрации всегда казались блеклыми и смазанными. А здесь они были яркими и

сочными, как будто их только что нарисовали.

– Как красиво, – сказала я.

Потолок был разрисован под звездное небо, однако оно оказалось не просто однообразно синим. Приглядевшись, я поняла, что на куполе изображена фигура женщины, которая лежала, свернувшись на боку. Ее темно-синее тело, руки и ноги украшали звезды. Пол библиотеки был расписан похожим образом, только на нем изображалась зелено-бурая земля в форме мужского тела, с лесами, холмами и городами. На груди мужской фигуры извивалась голубая лента реки.

Как оказалось, книг в библиотеке не было. И привычных полок тоже не было: вместо них вдоль стен высились похожие на соты сооружения, в каждой ячейке которых покоилось что-то вроде пластикового цилиндра.

По четырем сторонам света располагались пьедесталы, на которых торчали глиняные статуи примерно в половину человеческого роста, изображающие людей в юбках и сандалиях, с глянцеви́то-черными волосами и черной подводкой вокруг глаз.

(Картер говорит, что это особая сурьма для глаз под названием «кохль». Подумаешь, эрудит!)

Одна из фигур держала в руках палочку для письма и свиток, другая – какой-то ящик, третья – странный предмет, похожий на крюк с короткой рукоятью, и только у четвертой руки были пусты.

– Сейди, смотри.

Картер указал на длинный каменный стол в центре библиотеки. Прямо на нем лежала папина рабочая сумка.

Картер рванул вниз по лестнице, но я успела схватить его за рукав.

– Эй, не спеши. А вдруг здесь ловушки?

– Какие еще ловушки? – нахмурился он.

– Разве в египетских гробницах не принято устанавливать ловушки на воров?

– Ну... разве что иногда. Но здесь не гробница, и к тому же их чаще защищали с помощью всяких проклятий – жгучей порчи, ослиного морока...

– О, какая прелесть. Звучит просто захватывающе.

Картер поскакал по ступенькам дальше. Очень непривычно – обычно я сама везде лезу вперед, но на этот раз я решила, что если уж нас поджидает какое-нибудь мерзкое проклятие вроде жгучего кожного зуда или нападения магического осла, то пусть первым будет Картер.

Однако до самой середины зала с нами так и не случилось ничего интересного. Картер подтянул к себе сумку и открыл ее. Я зажмурилась на мгновение, снова ожидая каких-нибудь ловушек или проклятий, но все прошло гладко. Брат вынул из сумки странный расписной ящик, который мы видели у папы в Британском музее.

Это было что-то вроде длинной деревянной шкатулки, в которую поместился бы французский батон. Крышка была разрисована такими же картинками, как стены в библиоте-

ке, – фигурки богов, чудовищ и людей в странных позах, как будто они шагают боком.

– Почему египтяне так странно двигались? – заинтересовалась я. – Все время боком, расставив руки и ноги. Неуклюжие какие-то.

Картер смерил меня взглядом, который означал «Боже, какая же ты дура».

– Это просто манера рисования такая. В реальной жизни, естественно, они так не ходили.

– Ну и зачем же тогда их так рисовали?

– Египтяне думали, что изображение человека наделено магической силой. Поэтому руки и ноги всегда рисовали полностью, из опасения, что иначе в загробном мире человек может воскреснуть без органа, который не попал на рисунок.

– А почему тогда лица всегда изображены в профиль? Люди на египетских рисунках никогда не смотрят прямо. Что же тогда, в загробном мире у них останется только пол-лица?

На этот раз Картер замялся с объяснением.

– Наверно, они боялись, что если изображение будет смотреть прямо на зрителя, оно получится чересчур живым. И попытается вселиться в тебя...

– Слушай, а есть хоть что-нибудь, чего египтяне не боялись?

– Младших сестер, – тут же ответил Картер. – Когда от их трескотни уже спасения не было, египтяне просто скармливали их крокодилам.

Я прямо оторопела на секунду. Надо же, у моего брата, оказывается, тоже есть чувство юмора. Придя в себя, я ткнула его в бок:

– Да открой ты уже этот чертов ящик.

Первое, что он извлек из него, был комок какой-то белой массы.

– Это воск, – сообщил Картер.

– Потрясающе.

Я тоже полезла в шкатулку и вытащила на свет деревянную палочку для письма, палитру с углублениями для красок и несколько пузырьков с самими красками – черной, красной и золотой. Ага, набор доисторического художника!

Снова настала очередь Картера. Ему достались несколько мотков бурой бечевки, маленькая эбонитовая фигурка кошки и толстый рулон бумаги. То есть не бумаги, а папируса. Я вспомнила, что когда-то папа объяснял мне, как египтяне изготавливали его из стеблей речного растения – до бумаги они так и не додумались. Листы папируса были грубые и жесткие на ощупь, и я невольно заинтересовалась: как же бедные египтяне обходились в смысле туалетной бумаги? Если они делали ее из папируса, то неудивительно, что у них такая странная походка.

Напоследок я вытащила из шкатулки небольшую восковую фигурку.

– Жуть, – не удержалась я.

Это был маленький, грубо вылепленный человечек – как

будто тот, кто его сделал, очень спешил. Руки у него были скрещены на груди, рот широко открыт, а ноги оказались обрезаны на уровне колен. Вокруг пояса фигурки была обмотана прядь человеческих волос.

Пышка вспрыгнула на стол и внимательно обнюхала человечка. Чем-то он ее очень заинтересовал.

– Больше там ничего нет, – разочарованно сказал Картер.

– А на что ты рассчитывал? У нас и так отличная добыча: кусок воска, рулон древнеегипетской туалетной бумаги, уродливая статуэтка...

– Я надеялся найти что-то, что бы объяснило, что случилось с папой. Или как нам вернуть его обратно. Или хотя бы кто был тот огненный человек, которого он вызвал из камня...

Я подняла восковую статуэтку и сказала ей:

– Ты слышал, что сказал мой брат, мелкий корявый тролль. Ну-ка говори, что тебе известно.

Вообще-то я просто шутила. Но восковой человечек внезапно размяк и стал теплым, как живое существо. И сказал:

– Отвечаю на зов.

Я взвизгнула и уронила его на стол, так что он упал прямо на голову. А кто бы на моем месте не испугался?

– Ой! – отреагировал на это человечек.

Пышка подскочила обнюхать его, и коротышка залопотал на каком-то неведомом наречии. Возможно, на древнеегипетском, уж не знаю. Когда это не подействовало, он снова

перешел на английский и завопил:

– Пошла вон! Я тебе не мышь!

Опомнившись, я подхватила Пышку и ссадила ее на пол.

Картер во все глаза таращился на человечка, и лицо у него было почти такое же белое и перекошенное.

– Кто ты такой? – наконец выдавил он из себя.

– Кто я? *Шабти*, конечно! – ворчливо отозвалась фигурка, ощупывая свою слегка помятую голову. Он по-прежнему походил на поделку трехлетнего ребенка, только теперь это была ожившая поделка. – Хозяин называет меня Клецкой, но я нахожу такое прозвище оскорбительным. Мне больше приличествует имя Высшая-Сила-Сокрушающая-Врагов!

– Отлично, Клецка. Приятно познакомиться, – сказала я.

Кажется, человечек нахмурился, хотя судить о выражении его бесформенной физиономии было трудно.

– А ты вообще не должна меня включать! Это может делать только хозяин.

– Хозяин – это мой папа? – догадалась я. – То есть Джулиус Кейн?

– Да, именно он, – пробурчал Клецка. – Ну и что, вы довольны? Я исполнил свою службу?

Картер тупо уставился на меня, но я, кажется, начала понимать, что к чему.

– Итак, Клецка, – обратилась я к человечку, – я включила тебя, когда взяла в руки и отдала приказ: «Говори, что тебе известно». Правильно?

Клецка с возмущенным видом сложил на груди корявые ручки.

– Поиграть со мной решили, да? Конечно, правильно. Но на самом деле включать меня способен только мой хозяин. Уж не знаю, как это удалось сделать вам, но когда хозяин про это узнает, он разорвет вас на мелкие кусочки.

Картер прочистил горло.

– Послушай, Клецка, твой хозяин – это наш отец, и он пропал. Его куда-то забросили с помощью магии, так что нам нужна твоя помощь...

– Хозяин исчез? – Клецка расплылся в такой широченной улыбке, что я побоялась, как бы у него голова пополам не треснула. – Значит, я наконец свободен! Пока, сосунки!

Он ринулся к краю стола, но забыл, что у него нет ног, и тут же шлепнулся носом вниз. Это его не остановило: он бодро пополз, подтягиваясь на руках и радостно вопя: «Свободен! Свободен!»

Правда, далеко уползти он не успел: я схватила его и быстро сунула обратно в папин волшебный ящик. Клецка завозился, пытаясь выбраться наружу, но стенки ящика были слишком высоки, чтобы он мог дотянуться до края. Наверно, так и было задумано, решила я.

– Ловушка! – голосил коротышка. – Опять ловушка!

Мое терпение быстро иссякло.

– Да замолчи ты наконец. Теперь я твоя хозяйка, а ты должен отвечать на мои вопросы.

Картер вопросительно поднял бровь.

– А почему именно ты решила им покомандовать?

– Потому что мне хватило ума активировать его.

– Да ладно, ты же просто прикалывалась!

Игнорировать выпады брата – один из моих особых талантов. К нему я и прибегла.

– Так, Клецка, а теперь объясни мне для начала: что такое «шабти»?

– А ты выпустишь меня из ящика, если я скажу?

– Ты обязан ответить на мой вопрос, – заявила я. – И выпускать тебя я не собираюсь.

Клецка вздохнул.

– Шабти означает «отвечающий». Это тебе мог бы сказать и самый глупый из рабов.

Картер щелкнул пальцами.

– Ну конечно! Я вспомнил! Египтяне имели обычное изготавливать такие восковые или глиняные фигурки, чтобы они прислуживали умершим в загробном мире. Когда хозяин их позовет, они оживают и принимаются выполнять его поручения. В общем, покойник может спокойно расслабляться, а шабти будут за него работать до скончания времен.

– Вот они, люди, – сухо отозвался Клецка, – сами прохлаждаются без дела, а мы вкалываем за них. И кстати, прислуживание хозяину в загробном мире – это лишь одно из назначений шабти. Маги охотно пользуются нами и при жизни. Честно говоря, без нас они вообще ни с чем справиться не

могут. И наконец, если вы сами такие умные, то зачем спрашиваете?

– А почему папа отрезал тебе ноги? – поинтересовалась я.

– О, это тоже одна из любимых забав людей. Угрожать бедным восковым фигуркам, калечить их. Мой верзила-хозяин отрезал мне ноги, чтобы я не мог убежать от него или же возродиться в здоровом обличье и убить его. Маги – такие подлые существа... Уродуют несчастных шабти, чтобы подчинить своей власти. А все потому, что они нас боятся!

– Значит, если бы он создал тебя полноценным, ты бы ожил и попытался убить его?

– Вполне возможно, – согласился Клецка. – Ну так что, мы закончили?

– Ничего подобного, – отрезала я. – Говори, что случилось с нашим папой?

– Да откуда же мне знать? – пожал плечами Клецка. – Я только вижу, что в ящике не хватает его жезла и посоха.

– Правильно, – согласился Картер. – Посох он превратил в змею, но ее испепелили. А жезл... это такая штука, похожая на бумеранг?

– Бумеранг? – озадаченно переспросил Клецка. – О боги Вечного Египта, что у тебя на плечах вместо головы, парень? Тыква? Перепутать магический жезл с каким-то бумерангом!

– Жезл разнесло в щепки, – сказала я.

– Расскажи, как это случилось, – потребовал Клецка.

И Картер рассказал ему как на духу, что произошло в музее. Я не была уверена, что нам стоило болтать об этом, но решила, что вряд ли статуэтка высотой в ладонь сможет нам сильно навредить.

– Но это же чудесно! – внезапно вскричал Клецка.

– Что же тут чудесного? – удивилась я. – Полагаешь, наш папа остался жив?

– Нет, – отчеканил Клецка. – Он наверняка уже покойник. А вот то, что пять богов, рожденных в Дни Демонов, получили свободу, – это отличная новость! И любой, кто вступит в поединок с Красным Властелином...

– погоди, – остановила я его. – Я ведь велела тебе рассказать, что произошло!

– Ха! – выпалил Клецка. – Я обязан рассказывать только то, что знаю. А домыслы и предположения – это совсем другое задание. На этом я объявляю свою службу законченной!

И он снова превратился в безжизненный комок воска.

– Эй, подожди! – я снова схватила его и потрясла. – Давай, изложи мне свои домыслы и предположения!

Никакой реакции.

– Может, у него какой-нибудь таймер встроен, – выдвинул идею Картер. – Например, он может включаться только раз в день и не больше. А может, ты вообще его сломала.

– Картер, предложи что-нибудь полезное! Что нам теперь делать?

Он оглядел статуи, стоящие на четырех пьедесталах.

– А может, это...

– Другие шабти?

– По крайней мере, попробовать стоит.

Может, конечно, эти статуи и были отвечающими, но мы не смогли добиться от них ни слова. Чего мы только ни делали: поднимали их в воздух, пока задавали вопросы (хотя они были тяжеленные), указывали на них пальцем, отдавали им приказы, просили по-хорошему... Ничего не помогало.

В приступе разочарования я уже хотела применить к ним полюбившееся заклинание ха-ди – хоть душу отвести, глядя, как они разлетятся вдребезги, – но к тому времени мне уже совсем стало худо от голода и слабости, и я решила, что колдовать мне пока вредно для здоровья.

От нечего делать мы решили пошарить в ячейках вдоль стен. Пластиковые цилиндры оказались чем-то вроде контейнеров для пневмопочты, которой иногда еще пользуются в банках. Внутри каждого такого контейнера лежал свернутый папирусный свиток. Некоторые из них выглядели совсем новыми, а другие, наверно, были написаны тысячу лет назад. Каждый цилиндрик был подписан иероглифами и (повезло!) по-английски.

– «Книга Небесной Коровы», – прочел Картер. – Что за дурацкое название... А у тебя там что? «Повесть о Небесном Барсуке?»

– Нет, – отозвалась я, разбирая надпись. – «Книга о свер-

жении Апопа».

Пышка в углу разразилась громким мяуканьем, а когда я взглянула на нее, задрала хвост торчком и зашипела.

– Что это с ней? – насторожилась я.

– Не знаю. Странная кошка, что с нее взять... Вообще-то Апопом звали исполинского змея, – припомнил Картер. – Египтяне считали его воплощением зла и связывали с ним всяческие бедствия.

Пышка развернулась и опрометью помчалась вверх по ступенькам обратно в Большой Зал.

Картер пожал плечами и принялся за следующий свиток.

– Сейди, взгляни-ка сюда, – позвал он меня через минуту. В руках он держал довольно длинный лист папируса, весь исписанный строчками иероглифов. – Можешь хоть что-нибудь прочесть?

Я сосредоточенно уставилась на письмена и с удивлением обнаружила, что прочесть их никак не получается – кроме разве что самой верхней строчки.

– Только вот это место. Наверное, название свитка. Здесь говорится... Кровь Большого Дома. И что бы это значило, по-твоему?

– Большой Дом, – задумчиво пробормотал Картер. – А как эти слова звучат по-египетски?

– Пер-о. Ой, это же означает «фараон», верно? Но я думала, что фараон – это титул правителя!

– Так и есть, – кивнул Картер. – Но буквально это слово

переводится с древнеегипетского как «большой дом». Вроде как дворец, наверно. Или как в Америке говорят «Белый дом», имея в виду президента. Тогда, вероятно, этот свиток называется «Кровь фараонов» и здесь идет речь о правителях всех династий, а не об одном каком-то человеке.

– Ну и зачем нам нужна сейчас вся эта генеалогия? И кстати, почему я не могу прочесть остальное, что здесь написано?

Картер напряженно уставился на упрямые строки и вдруг ахнул:

– Это же все сплошные имена! Гляди, все иероглифы вписаны в картуши.

– Э-э... прости, куда они вписаны?

В жизни не слышала такого слова. И звучит как-то сомнительно...

– Это такие овальные рамки, – пояснил шибко грамотный братец. – Они символизируют защитную ограду, оберегающую носителя имени от злой магии. – Тут он воззрился на меня. – А заодно, наверно, от магов, которые могли бы их прочесть.

– Ну ты и придумашь, – фыркнула я. Но, посмотрев на свиток внимательнее, я поняла, что он был прав. Все остальные слова были обведены картушами, и мне никак не удавалось понять, что они означают.

– Сейди, – сказал вдруг Картер снова, – смотри. – Он ткнул пальцем в картуш в самом конце длинного перечня, где была, наверное, не одна тысяча имен.

Я увидела овал с двумя простыми знаками внутри: что-то вроде корзины и зубчатой волны.

– Я знаю этот иероглиф, – объявил Картер. – Он читается

как КН. Кейн. Это наша фамилия.

– А тебе не кажется, что для нашей фамилии букв немножко не хватает?

Картер помотал головой.

– Да нет, египтяне всегда писали только согласные. А гласные добавлялись при чтении в зависимости от контекста.

– Вот чудаки-то. Но тогда это слово может означать КОН, или ИКОНА, или ОКНО, да еще кучу всего.

– Возможно. И все равно это наша фамилия, я точно знаю. Однажды я попросил папу написать, как будет «Кейн» по-древнеегипетски, и он изобразил именно такой иероглиф. Но с какой стати имя нашей семьи оказалось в этом списке? И при чем здесь «кровь фараонов»?

Ледяные иглы снова впились в мой затылок. Я вспомнила

утренний разговор с Амосом – про то, что каждый из наших родителей происходит из очень древнего рода. Наши с Картером глаза встретились, и, судя по тому, как у него вытянулось лицо, мы успели подумать об одном и том же.

– О нет, – запротестовала я. – Только не это.

– Да, наверняка это какой-то розыгрыш, – согласился он. – Не слышал, чтобы кто-то вел семейные летописи с такой глубокой древности.

И все равно я разволновалась так, что у меня во рту пересохло. Со вчерашнего дня с нами успело случиться столько самых невероятных вещей... но только сейчас, увидев в древнем свитке наше имя, я наконец начала верить, что все это связанное с Египтом безумие имеет под собой реальные основания. Боги, маги, чудовища. И наша семья – неразрывно связанная с ними с незапамятных времен.

А еще с самого завтрака, когда я узнала, что папа собирался вернуть маму с того света, меня стали одолевать мысли, не дававшие мне покоя. Нет, папин замысел меня не ужаснул. Конечно, от него веяло безумием – и гораздо больше, чем от шкафа с мамиными фотографиями в гостиной у бабушки с дедушкой. Помнится, я говорила о своем решении не цепляться за прошлое, раз уж маму все равно не вернуть. Так вот – сколько бы я себя ни обманывала, с шести лет я мечтала только об одном: увидеть маму снова. Узнать по-настоящему, какая она – как она смеется, как разговаривает. Возиться вместе с ней на кухне, ходить по магазинам – од-

ним словом, делать все то, что обычно делают мамы и дочери. Хоть бы разок побыть с ней, чтобы потом было что вспоминать. Кажется, это чувство, которое я все пыталась прогнать, было надеждой. Конечно, я знала, что за эту надежду мне придется платить новой болью. И все равно: если бы я знала, что существует хоть малюсенький шанс вернуть маму, я не задумываясь взорвала бы ради этого сколько угодно Розеттских камней.

– Ладно, давай поищем еще, – сказала я, чтобы отвлечься от своих мыслей.

Покопавшись в свитках еще пару минут, я наткнулась на папирус с изображением богов с головами животных: их было пять, стоящих в ряд, а над ними изогнулась дугой усеянная звездами женская фигура. Папа, кажется, упоминал каких-то пятерых. Уж не они ли это?

– Картер, – позвала я. – Кто это такие, не знаешь?

Он подошел, глянул на мой свиток и страшно оживился.

– Ну точно! – вскричал он. – Пять богов... а над ними их мать Нут, богиня неба.

И он указал рукой на синекожую женщину на потолке – явно ту же самую, что и на свитке.

– А она здесь при чем? – заинтересовалась я.

Картер нахмурился, припоминая.

– Это как-то связано с Днями Демонов и рождением пяти богов... Но эту историю я слышал от папы очень давно, почти ничего не помню. Кажется, этот свиток написан иера-

тическим письмом. Это такая иероглифическая скоропись. Попробуй, может, у тебя получится прочесть?

Я послушно потарачилась на папирус, испещренный длинными строками округлых значков, но вскоре сдалась: кажется, моя фирменная разновидность безумия позволяла читать только классические иероглифы.

– Вот бы отыскать здесь тот же текст, только на английском, – сказал Картер.

Услышав за спиной треск, мы дружно обернулись и так же дружно разинули рты. Одна из глиняных статуй – та самая, у которой ничего не было в руках, – соскочила со своего пьедестала и направилась прямо к нам. Мы с Картером поспешно попятились, уступая ей дорогу, но статуя, не обращая на нас внимания, прошагала к стене позади нас, вынула из одной из ячеек контейнер со свитком, затем вернулась к Картеру и застыла, протягивая ему свою добычу.

– Ух ты! – восхитилась я. – Шабти-поисковик. Глиняный библиотекарь. Удобная штука!

Нервно сглотнув, Картер принял из глиняных рук свиток.

– Э-э... спасибо.

Статуя молча вернулась к своему пьедесталу, вскочила на него и застыла, снова превратившись в безжизненного глиняного истукана.

– А мне, пожалуйста, – сказала я, обращаясь к шабти, – сэндвич и чипсы!

Увы, ни одна из статуй не стала поспешно срываться с ме-

ста, чтобы удовлетворить мою просьбу. Видимо, приносить в библиотеку еду было запрещено.

Картер тем временем открыл контейнер, развернул папирусный свиток и тут же вздохнул с облегчением:

– Так и есть, это английский перевод.

Он бегло пробежал глазами по тексту, потом стал вчитываться внимательнее, все больше и больше хмурясь.

– Что-то ты не весел, – заметила я.

– Это потому, что я наконец вспомнил ту историю. Про пять богов. И знаешь, если папа в самом деле выпустил их на свободу... в общем, это плохо.

– погоди, – попросила я. – Можно с самого начала?

Картер шумно вздохнул.

– Ладно. Значит, так. Богиня неба Нут была женой бога земли, Геба.

– Это вон тот дядька на полу? – и я потопала по изображению коричнево-зеленого мужчины с нарисованными на нем лесами, холмами и реками.

– Точно, – кивнул Картер. – Короче, Геб и Нут хотели иметь детей, но царь всех богов Ра – он же бог солнца – услышал пророчество, что один из детей Геба и Нут однажды свергнет его с престола. Ну вот, и как только он узнал, что Нут беременна, то перетрусил и запретил ей рожать в любой день и в любую ночь года.

– Это что же ей теперь, оставаться беременной на веки вечные? – возмутилась я. – Садизм какой-то!

– Но Нут придумала, как выкрутиться, – продолжал Картер. – Она предложила богу луны по имени Хонсу сыграть с ней в кости. Каждый раз, когда Хонсу проигрывал, он должен был отдавать Нут частицу лунного света. Хонсу продул несколько раз подряд, и Нут выиграла достаточно лунного света, чтобы создать из него пять новых дней, которые она поставила в самый конец года.

– Ну что за бред? – фыркнула я. – Как лунный свет может быть ставкой в игре? И как, скажите на милость, можно создавать из него дни?

– Слушай, это же миф, – пресек мои протесты Картер. – Согласно египетскому календарю, год включал триста шестьдесят дней, наподобие того, как круг делится на триста шестьдесят градусов. А дни, созданные Нут, оказались лишними и не вмещались в обычный календарь.

– Их и назвали Днями Демонов, – догадалась я. – То есть этот миф объясняет, почему в году триста шестьдесят пять дней. И надо полагать, ее дети родились...

– Именно в эти пять дней, – закончил за меня Картер. – Пять детей, по одному ребенку в день.

– Ну и объясни, как это можно рожать в день по ребенку?

– Сейди, они же боги, – укоризненно сказал Картер. – Они еще и не на такое способны.

– Хорошо, хорошо. Продолжай.

– Само собой, когда Ра обо всем узнал, он здорово взбесился, но было поздно. Дети уже появились на свет. Их зва-

ли Осирис...

– Тот самый, которого разыскивал папа.

– Ага, и еще Гор, Сет, Исида и... – Картер сверился со свитком, – и Нефтида, все время забываю, как ее звали.

– А тот огненный хмырь в музее сказал: «Ты выпустил всех пятерых».

– Точно. Может, они были в заточении все вместе, а папа об этом не знал? Это же логично – если они родные братья и сестры, вероятно, и призвать их в мир можно только всех вместе. Беда только в том, что один из этой семейки, Сет, по-настоящему гнусный тип. Самое злое божество египетской мифологии. Бог хаоса и пустынных бурь.

Я поежилась.

– А к огню он, случайно, не имеет отношения?

– Смотри сама.

Картер ткнул пальцем в одну из фигурок на картинке – божество имело тело человека и звериную голову, только я никак не могла понять, что за зверь имелся в виду. Собака? Муравьед? Злобный кролик? Но кто бы он ни был, покрывающие голову волосы и одежда бога были ярко-красного цвета.

– Красный Властелин, – пробормотала я.

– Тут важно еще кое-что, – хмуро продолжал Картер. – Эти пять дней – так называемые Дни Демонов – считались в Египте несчастливymi. В эти дни полагалось вести себя очень осторожно, носить обереги и не приниматься ни за ка-

кие важные или опасные дела. И помнишь, в Британском музее папа сказал Сету что-то насчет того, что его остановят до того, как закончатся Дни Демонов.

– Ты что же, думаешь, что он имел в виду нас с тобой? – поразила я. – Что это мы должны остановить типа вроде Сета?

Картер, помедлив, кивнул.

– И если египетские Дни Демонов соответствуют последним пяти дням нашего современного календаря, то они должны начаться 27 декабря. То есть послезавтра.

Шабти, как мне показалось, смотрел на меня выжидающе, но я понятия не имела, что делать дальше. Дни Демонов, злобный кролик с красными волосами... Что еще мне предстоит узнать, пока моя голова не лопнет от избытка невероятного?

Но самое кошмарное – это тоненький голосок у меня в голове, который настойчиво твердил: «Это не невозможно. Это наш долг. Чтобы спасти папу, мы должны победить Сета».

Интересно, как бы выглядел мой список дел, которые необходимо сделать за рождественские праздники. Увидеть папу – вычеркиваем. Обзавестись небывалым могуществом – готово. Следующий пункт – победить злобное божество хаоса. Бред, да и только.

Внезапно сверху донесся громкий треск, как будто в Большом Зале упало что-то тяжелое. Тревожно закричал Хуфу.

Переглянувшись, мы с Картером бросились к лестнице.

8

Пышка играет с ножами

Сейди

Наш странноватый павиан, кажется, окончательно спятил.

Он метался от колонны к колонне и перескакивал с одного балкона на другой, опрокидывая вазы и статуи. Потом бросался к окну, выходящему на террасу, напряженно тарачился в него пару секунд и снова начинал неистовствовать.

Пышка тоже торчала у окна, съезжившись в комок и нервно дергая хвостом, как будто подкарауливала птицу.

– Может, какой недоеденный фламинго залетел, – предположила я с надеждой, но не уверена, что Картер расслышал меня за завываниями павиана.

Мы подбежали к стеклянным дверям, ведущим на улицу.

Поначалу мне показалось, что вокруг все спокойно, но тут из бассейна с шумом выплеснулась вода, и у меня душа ушла в пятки: два огромных существа схлестнулись в драке с нашим крокодилем, Филипом Македонским. И эти существа ничуть не походили на фламинго.

Я вообще не могла понять, кто это такие – только видела, что они подло напали на Филипа, вдвоем на одного. Чудища снова занырнули, вода забурлила, и Хуфу в Большом Зале завопил пуще прежнего, исступленно колотя себя по макушке пустой коробкой из-под хлопьев, что, по-моему, не слишком помогало делу.

– Длинношеие, – сказал вдруг Картер потрясенно. – Сейди, ты их видела?

Не успела я хоть что-то ответить, как одна из тварей выскочила из бассейна и со страшной силой врезалась в двери, прямо напротив того места, где мы стояли. Я в испуге отскочила назад, не в силах отвести от нее глаз. Существо по ту сторону стекла было самым жутким животным из всех, каких я видела или могла вообразить. У него было тело леопарда – поджарое и мускулистое, с золотистым мехом в черные пятнышки, но вот шея совершенно к нему не подходила – чешуйчатая, зеленоватого цвета и такой же длины, как туловище. Голова была похожа на кошачью, но не совсем: когда чудовище уставило на нас горящие красные глаза и испустило жуткий вой, в пасти мелькнул раздвоенный змеиный язык и длиннющие клыки, с которых капал зеленоватый прозрач-

ный яд.

Ноги у меня затряслись, и я невольно издала какой-то жалкий писк.

Полукот-полузмея прыгнул обратно в бассейн, чтобы вместе со своим сородичем снова наброситься на беднягу Филипа, который вертелся во все стороны и яростно щелкал челюстями, но не мог причинить своим недругам заметного вреда.

– Мы должны помочь Филипу! – не выдержала я. – Они же убьют его!

Я потянулась к дверной ручке, но Пышка злобно на меня зашипела.

– Сейди, ты что! – закричал Картер. – Ты же слышала, что сказал Амос. Ни в коем случае нельзя открывать двери! Иначе магическая защита дома нарушится. Филипу придется справляться своими силами.

– А если он не справится? Филип!

Старый крокодил повернул голову и на мгновение задержал на мне взгляд своих розовых глаз. Как будто понял, что я за него тревожусь... Но тут полукоты-полузмеи нырнули ему под брюхо, и Филип свечкой взвился над бассейном, так что только кончик его хвоста касался поверхности воды. Его тело начало светиться, все сильнее и сильнее. Воздух наполнился вибрирующим гулом, как будто где-то рядом заработали турбины самолета. Падая обратно, Филип всей своей массой обрушился на камень террасы.

Дом вздрогнул, как от взрыва. По бетону побежали трещины, и одна из них, самая глубокая, прошла прямо посередине бассейна. Дальняя часть бассейна с треском откололась и, чуть помедлив, рухнула за край крыши.

– Нет! – завопила я.

Но уже ничего нельзя было поделать. Перед нами был только отколотый край террасы, а Филип и оба чудовища сорвались напрямиком в Ист-Ривер.

Меня трясло так, что я едва держалась на ногах.

– Филип... он пожертвовал собой ради нас. Он убил тех чудовищ.

– Сейди... – услышала я слабый голос брата. – А если не убил? Если они вернуться?

– Замолчи! Не могу это слышать...

– Сейди, я... я узнал их. Этих тварей. Пойдем, я тебе покажу.

– Куда это? – спросила я, но увидела, что он направляется обратно в библиотеку.

На этот раз Картер сразу подошел к шабти, который помог нам в прошлый раз, и потребовал:

– Принеси мне... черт, как же она называется?

– Что принести-то? – поинтересовалась я.

– Папа как-то показывал мне одну штуку... Большую такую каменную плиту или что-то вроде. На ней изображен первый фараон – тот самый, который умудрился объединить

Верхний и Нижний Египет в одно государство. Как же его звали-то... – он мучительно нахмурился и вдруг просиял: – Нармер! Шабти, принеси мне плиту Нармера.

Ничего не произошло.

– Значит, не так, – снова задумался Картер. – Не плита, а... как же называется такая штука, с ее помощью еще можно измерять площадь на карте... А, палетка! Точно. Принеси мне палетку Нармера!

Шабти с незанятыми руками так и остался неподвижен, зато на другом конце зала ожила статуя с крюком. Она бодро соскочила с пьедестала и исчезла в облачке пыли, а когда мгновение спустя появилась снова, у ее ног лежала серая каменная плита длиной примерно с мой локоть, по форме напоминающая древний щит.

– Ох, – растерялся Картер. – Я ведь имел в виду не сам камень, а его изображение! Господи, кажется, он притащил подлинный артефакт. Наверное, спер его из музея в Каире. Мы должны срочно вернуть...

– Да погоди ты, – сказала я, наклоняясь над плитой. – Давай хоть посмотрим на нее.

На верхней стороне плиты красовалось рельефное изображение человека в дурацкой шапке, который держал за волосы другого человека и колотил его по голове чем-то вроде ложки.

– Этот, с ложкой, наверно, и есть Нармер, – предположила я. – А чего он так обозлился на того бедолагу? Он что, украл у него тарелку с завтраком?

Картер только отмахнулся от моих догадок.

– Здесь изображено, как Нармер покоряет своих врагов и объединяет Египет. Видишь, что у него на голове? Такую корону носили цари Нижнего Египта до того, как обе страны слились в одну.

– Ты про эту штуку, которая похожа на кеглю?

– С тобой вообще можно серьезно разговаривать? – вспылил Картер.

– А он похож на папу.

– Да ну тебя, Сейди.

– Нет, я серьезно. Взгляни на его профиль.

Но Картер надулся и не стал отвечать. Некоторое время он рассматривал камень, боясь до него дотронуться, затем пробурчал:

– Я должен взглянуть на обратную сторону, но не хочу переворачивать палетку. Вдруг мы ее повредим...

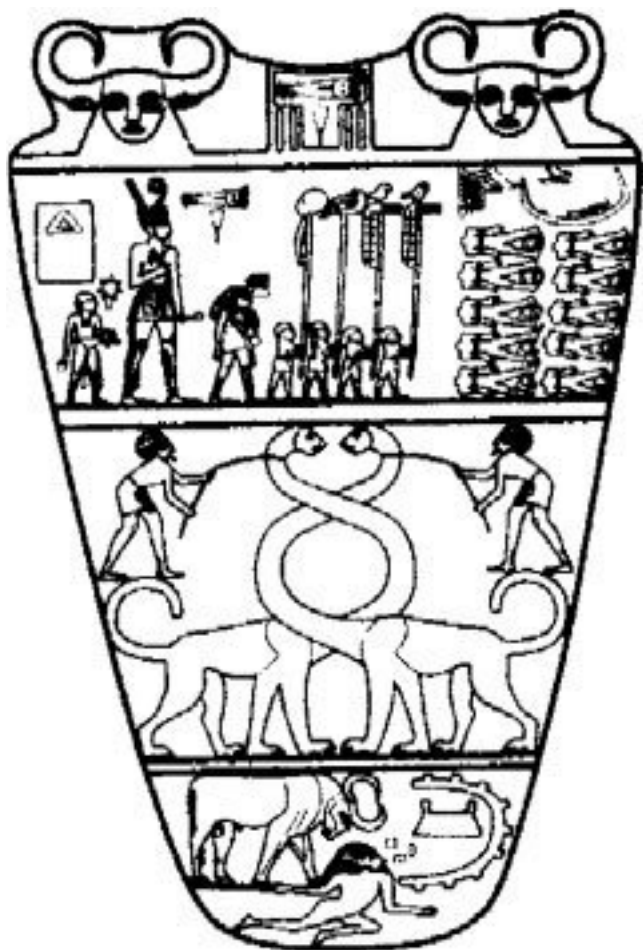
Не слушая дальше, я схватила камень за край и перевернула нижней стороной вверх.

– Сейди, осторожнее! Ты ее чуть не разбила!

– Как раз на этот случай и существуют заклинания склеивания, разве не так?

Мы принялись рассматривать обратную сторону плиты, и тут я должна признаться, что познания Картера меня впечатлили. Действительно, в средней части палетки оказались изображены два полукота-полузмея с перевитыми шеями. По обеим сторонам от них египтяне с веревками пытались

сдержать чудищ.

– Их называют «серпопарды», – сообщил Картер. – Это значит змеи-леопарды.

– Потрясающе, – отозвалась я. – А кто они такие и откуда взялись эти серпопарды?

– Единого мнения на этот счет нет. Папа говорил о них как об исчадиях хаоса, существовавших от начала времен. Этот камень – один из самых древних сохранившихся египетских артефактов. Только подумай – эти картинки были вырезаны на нем пять тысяч лет назад.

– То есть наш дом осаждают твари, которым пять тысяч лет?

– Прошлой ночью в Финиксе я слышал, как огненный человек приказал своим прислужникам схватить нас. И он велел послать вперед длинношеих.

У меня во рту снова появился противный металлический привкус. Жалко, что у меня не осталось в запасе жвачки.

– Ясно... ну, есть ведь и хорошая новость, правда? Они теперь оба на дне Ист-Ривер.

В этот самый момент в библиотеку ворвался Хуфу, так же пронзительно голоса и колотя себя по голове.

– Ох... зря я это сказала, – пробормотала я.

Картер приказа шабти вернуть камень на место, и статуя с палеткой тут же испарились. Мы потащились вслед за павианом вверх по лестнице.

Серпопарды действительно вернулись. Шерсть у них промокла и слиплась от речного ила, и это явно не улучшило их настроения. Они рыскали вдоль обвалившегося края террасы, извивая шеи и обнюхивая двери – видимо, искали, как бы проникнуть в дом. Брызги яда с шипением испарялись со стекла, оставляя после себя мутноватые пятна, раздвоенные языки то и дело высывались из пастей, ощупывая каждую щель.

– Агх, агх! – Хуфу подхватил Пышку, которая устроилась на диване, и протянул ее мне.

– Не думаю, что она нам чем-то поможет, Хуфу, – вежливо отказалась я.

– АГХ! – повторил павиан с большей настойчивостью.

Вряд ли Хуфу имел в виду, что я должна ее съесть, – ни «Пышка», ни «кошка» не заканчиваются на «о», но я не могла взять в толк, чего он вдруг пристает ко мне. Не трата времени на споры, я взяла кошку на руки – просто чтобы Хуфу успокоился.

– Мурр? – мурлыкнула Пышка, глядя на меня.

– Не бойся, все будет хорошо, – пообещала я, стараясь не выдавать собственного страха. – Ты же слышала: наш дом под защитой магии.

– Сейди, – услышала я тут же испуганный голос Картера. – Они что-то нашли.

Серпопарды сгрудились возле левой двери, тщательно обнюхивая ручку.

– Неужели там не заперто? – насторожилась я.

Чудища с силой ткнулись своими уродливыми мордами в стекло. Дверь дрогнула. Вдоль косяка вспыхнули голубые иероглифы, но свет их показался мне тусклым и слабым.

– Не нравится мне это, – пробормотал Картер.

Я смотрела на оскаленные ядовитые клыки, молясь про себя о каком-нибудь чуде, которое могло нас спасти. Пусть у монстров ничего не выйдет и они сдадутся и уберутся отсюда... Или пусть доблестный Филип Македонский вскарабкается обратно по стене (ведь крокодилы умеют карабкаться, правда же?) и снова нападет на них.

Похоже, моих молитв никто не услышал. Серпопарды снова ударили головами в дверь, как таранами, и по стеклу побежала сеточка трещин. Голубые иероглифы замигали и погасли.

– АГХ! – пронзительно заверещал Хуфу и замахал лапой в сторону кошки.

– Может, мне снова попробовать заклинание ха-ди? – предложила я.

– Нет уж, – помотал головой Картер. – Ты в прошлый раз чуть в обморок не свалилась, когда ломала двери. Не хочу, чтобы тебе снова стало плохо. Это может быть очень опасно.

И тут Картер снова меня удивил: снял со стены Амоса какой-то дурацкий меч с изогнутым клинком (по-моему, очень непрактичным) и взял его на изготовку.

– Да брось, ты же не умеешь обращаться с мечом, – ска-

зала я.

– А что, у тебя есть идеи получше? – отозвался Картер. – Здесь только мы против этих тварей: ты, я и безумный павиан. Нам никто не поможет.

Знаю, Картер старался быть храбрым, но у него плохо получалось. На брата было страшно смотреть: весь трясется, дыхание прерывистое, лоб в испарине... Даже хуже, чем я. Мне еще подумалось, что сейчас скорее не я грохнусь в обморок, а он. А падать с острыми предметами в руках, как известно, не рекомендуется.

Серпопарды ударили в третий раз, и дверь, не выдержав, разлетелась на осколки. Твари ввалились в Большой Зал. Мы отскочили назад, прижавшись спинами к подножию статуи Тота. Хуфу бросил баскетбольный мяч, и довольно метко: попал одному из монстров прямо в лоб, но мяч отскочил, не причинив твари никакого вреда. Хуфу взревел и бросился на серпопарда сам.

– Хуфу, не смей! – закричал Картер.

Но отважный павиан уже вонзил клыки в шею чудовища. Серпопард заметался, отчаянно извиваясь и пытаясь укунить его. Хуфу попытался отпрыгнуть, но монстр действовал быстро. Размахнувшись головой, как битой, он сшиб Хуфу прямо в полете, и бедный павиан пролетел, как мохнатое пушечное ядро, через пролом в двери и исчез за краем разрушенной террасы.

Я чуть не разрыдалась, но на это не было времени. Рас-

правившись с павианом, серпопарды решили заняться нами. Бежать нам было некуда. Картер поднял свой меч. Я направила на монстров руку и попыталась произнести заклинание ха-ди, но слова будто застряли у меня в горле.

– Мурр! – настойчиво подала голос Пышка. Я только и успела удивиться: почему кошка до сих пор сидит у меня на руках, вместо того чтобы в ужасе убежать и спрятаться?

И тут я вспомнила слова Амоса: «Пышка будет охранять вас». Может, именно об этом пытался напомнить мне Хуфу? Собственная мысль показалась мне очень глупой, но терять нам уже было нечего. Я опустила кошку на пол и, заикаясь, с трудом выдавила из себя приказ:

– П-пышка, защити нас.

На мгновение мне почудилось, что серебряная подвеска на ее ошейнике вспыхнула ярким светом. После чего Пышка неторопливо выгнула спину, потянулась, уселась у моих ног и принялась вылизывать себе лапу. Замечательно. А впрочем, чего я ожидала – что она героически бросится на серпопардов и разорвет их в клочья?

Красноглазые чудища все приближались, злобно скалясь. Вот они уже напрягли шеи, готовясь нанести удар, вот уже ощерили ядовитые клыки... Зал вдруг заполнился горячим смерчем – словно взрыв грянул. Ударная волна оказалась такой мощной, что нас с Картером швырнуло на пол. Серпопарды ошарашенно присели и попятились.

Я кое-как поднялась на ноги, ничего не понимая, и толь-

ко тут осознала, что центром неожиданного взрыва была моя Пышка. Вот только никакой кошки больше не было. На ее месте стояла женщина: миниатюрная, легкая и изящная, как гимнастка. Черные как смоль волосы собраны в конский хвост на затылке, стройное тело затянуто в облегающее трико леопардовой расцветки, а на шее болтается кулон Пышки.

– Вовремя, – бросила она с усмешкой, обернувшись и взглянув на меня совершенно кошачьими глазами: желтыми с вертикальной щелью зрачка.

Серпопарды уже успели оправиться от шока и бросились на женщину-кошку, делая молниеносные выпады своими змеиными шеями. Я уже думала, что они разорвут ее надвое, но «бывшая» кошка стремительным прыжком взметнулась ввысь, трижды перекувыркнулась в воздухе и приземлилась на каминную полку над головами чудищ.

Замерев на мгновение, она сделала какое-то неуловимое движение руками, и из рукавов в ее ладони скользнули два длинных кинжала.

– Ха-ха, теперь повеселимся! – мурлыкнула она.

Чудовища атаковали снова. Женщина легко спрыгнула на пол прямо между ними, пританцовывая и увертываясь от зубастых пастей с поистине невообразимой ловкостью. Пытаясь схватить ее, серпопарды незаметно для себя так сплелись шеями, что не могли освободиться, сколько ни дергались. Чем яростнее они бились, неуклюже топчась взад-вперед и круша мебель, тем безнадежнее запутывались и тем

тоскливее звучал их разочарованный вой.

– Бедняжки, – проворковала женщина-кошка. – Сейчас я вам помогу.

Блеснули острые клинки, и к ногам женщины упали две отсеченные головы. Тела чудовищ рухнули на пол и рассыпались двумя огромными кучами песка.

– Пропали игрушки, – с легкой печалью покачала головой женщина. – Что ж, из песка они вышли, в песок и вернулись.

Клинки скользнули обратно в рукава, и незнакомка повернулась к нам, сказав деловито:

– Картер, Сейди, нам нужно немедленно уходить отсюда. Дальше будет хуже.

– Еще хуже? – придушенно прохрипел Картер. – Но кто... как... что...

– Всему свое время, – остановила его женщина и, подняв руки над головой, с наслаждением потянулась. – Как же приятно снова оказаться в человеческом облике! А теперь, Сейди, будь добра, не могла бы ты открыть нам проход через Дуат?

Я растерянно заморгала.

– Э-э... нет, не могла бы. То есть... я просто не знаю, как это делается.

Женщина сощурила желтые глаза, явно разочарованная.

– Досадно. Что ж, значит, нам понадобится больше силы. Нужен обелиск.

– Но ведь обелиск в Лондоне, – возразила я. – Не можем

же мы...

– Есть и поближе. Прямо здесь, в Нью-Йорке, в Центральном парке. Обычно я стараюсь избегать Манхэттена, но сейчас у нас чрезвычайная ситуация. Доберемся туда и откроем портал.

– Портал куда? – продолжала недоумевать я. – И кстати, кто ты такая, и как тебя зовут, и при чем здесь моя кошка?

– Давайте по порядку, – улыбнулась женщина. – Для начала мне просто нужен портал, чтобы увести вас от опасности. А что касается моего имени, то, конечно, спасибо большое за Пышку, но на самом деле меня зовут...

– Баст⁷, – брякнул Картер. – Этот кулон – символ богини Баст, повелительницы кошек. Я-то думал, это просто украшение, а оказалось...

– Молодец, Картер, разобрался, – кивнула Баст. – А теперь давайте поторопимся, пока у нас есть шанс выбраться отсюда живыми.

⁷ Баст (Бастет) – в Древнем Египте богиня радости, любви и плодородия, покровительница кошек. Часто изображалась с кошачьей головой.

9

Мы удираем от четырепарней в юбках

Картер

Вот так-то. Наша кошка, оказывается, богиня.

Какие еще новости нас ожидают?

Баст не оставила нам времени на разговоры. Просто отравила меня в библиотеку за папиной магической амуницией, а когда я вернулся, они с Сейди всю спорили по поводу Хуфу и Филипа.

– Мы должны разыскать их! – настаивала Сейди.

– С ними все будет в порядке, – возражала Баст. – А вот с нами – вряд ли, если мы срочно отсюда не уберемся.

Я поднял руку, пытаюсь вклиниться в их дискуссию.

– Э-э... позвольте, госпожа богиня? Амос сказал нам, что этот дом...

– Совершенно безопасен? – фыркнула Баст. – Картер, ты

же видел, как легко пала его защита. Кто-то намеренно повредил ее.

– О чем это ты? Кто...

– Это мог сделать только маг из Дома Жизни.

– Другой маг? – поразился я. – Но зачем какому-то магу разрушать защиту дома Амоса?

– Ах, Картер, Картер, – вздохнула богиня. – До чего ты наивен. Ну, это по молодости, наверно. Маги – существа хитрые и зловредные и зачастую терпеть друг друга не могут. Может быть миллион причин, почему один из них творит гадости за спиной у другого, но сейчас нам некогда вдаваться в подробности. Давайте скорее!

Баст решительно ухватила нас под локти и потащила к входной двери. Ножи свои она спрятала, но острые когти на ее пальцах никуда не делись и больно впивались мне в кожу. Стоило нам выйти на улицу, как налетел ледяной ветер, от которого слезились глаза и свистело в ушах. Ежась от холода, мы принялись спускаться по длиннющей лестнице во двор, окружающий старую фабрику.

Папина сумка тяжело оттягивала плечо, а кривой меч, который я на всякий случай пристроил у себя за спиной, противно охлаждал кожу через тонкую ткань рубашки. Во время нападения серпопардов я сильно вспотел, и теперь влажная одежда встала колом от холода.

Я встревоженно вертел головой, высматривая затаившихся чудовищ, но двор казался пустынным, если не считать

ржавеющих груд металлолома и всякой брошенной строительной техники – бульдозера с облезающей краской, покосившегося крана с ядром для разрушения стен да пары бетономешалок. Весь этот хлам превращал двор в запущенный лабиринт, через который нам приходилось пробираться, чтобы выйти на улицу, что шумела в сотне-другой ярдов впереди.

Мы преодолели примерно половину пути, когда нам навстречу вдруг выскочил серый помойный кот с разодранным ухом. Один глаз у него опух и почти заплыл, а обилие старых и новых шрамов на облезлой шкуре наглядно свидетельствовало о том, что драки – его обычное времяпрепровождение.

Баст присела перед котом на корточки, пристально вглядываясь ему в глаза. Тот ответил ей спокойным взглядом.

– Спасибо, – сказала Баст, поднимаясь.

Дранный обитатель помоек развернулся и неторопливо потрусил в сторону реки.

– А это еще кто такой? – поинтересовалась Сейди.

– Один из моих подданных, предложивший свою помощь. Он сообщит другим котам о нашем затруднительном положении, и вскоре новость распространится по всему Нью-Йорку.

– Он такой израненный, – посочувствовала Сейди. – Если он ваш верный подданный, то почему вы не хотите его исцелить?

– И разом лишить его всех почетных знаков кошачьих по-

бед? Эти шрамы придают ему веса среди других котов. И я не могу... – Баст внезапно замерла, напрягшись, и тут же толкнула нас в укрытие позади штабеля старых ящиков.

– В чем дело? – шепотом спросил я.

Баст снова тряхнула запястьями, и острые кинжалы скользнули ей в ладони. Она осторожно выглянула из-за ящиков. Каждый мускул ее тела дрожал от напряжения. Я постарался понять, что ее насторожило, но вокруг не было ровным счетом ничего подозрительного, один только покосившийся кран со свисающим на цепи шаром.

Губы Баст кривились от возбуждения, глаза были прикованы к чугунному шару. Все ее повадки вдруг напомнили мне котят, которые вот точно так же подкрадываются к заводной мыши, клубку шерсти или резиновому мячику... Мячику? О нет, древняя богиня не стала бы так развлекаться.

– Вот оно, – пробормотала она, готовясь к прыжку. – Замрите и не шевелитесь.

– Да здесь же нет никого, – прошипела из-за ящиков Сейди, которую поведение Баст тоже озадачило.

Я и сказать ничего не успел. Баст метнулась через ящики, мощным прыжком взмыла в воздух, сверкая клинками, и приземлилась прямо на чугунный шар, который от удара сорвало с цепи. Кошачья богиня и шар грохнулись в грязь и покатались по двору.

– Рррроуу! – завывала Баст, отскакивая от шара и снова

бросаясь на него. Клинки кромсали металл как сырую глину, и через несколько мгновений от него осталась лишь груда чугунных осколков.

Отдышавшись, Баст спрятала клинки и удовлетворенно мурлыкнула:

– Ну вот, теперь мы в безопасности.

Мы с Сейди ошарашенно переглянулись.

– Ты что, спасала нас от чугунного шара? – спросила сестра.

– Осторожность никогда не помешает, – небрежно бросила богиня. – Эти шары бывают жуть какие коварные.

Не успели мы переварить эту информацию, как земля вздрогнула от гулкого «бум»! Я оглянулся на особняк и увидел вырывающиеся из верхних окон языки синего пламени.

– Скорее, – скомандовала Баст. – Время не ждет.

Признаться, я ожидал, что она перенесет нас в нужное место с помощью магии или, на худой конец, возьмет такси, но вместо этого Баст уверенно направилась к припаркованному неподалеку серебристому «Лексусу» с откидным верхом.

– О да, – замурчала она. – Это мне нравится. Ребятишки, садитесь!

– Но это ведь не наша машина, – замялся я.

– Милый мой, я ведь кошка. А значит, все, что я вижу, – мое.

Проблема отсутствия ключа ее ничуть не беспокоила.

Стоило ей коснуться замка зажигания, как в нем проскочила искра и мотор мягко заурчал. (Нет, Сейди, не как кошка. Как нормальный мотор.)

– Баст, – снова попытался я, – мы ведь не можем просто угнать...

Сейди бесцеремонно толкнула меня локтем в бок.

– Да ладно тебе, Картер. Мы потом ее вернем, обязательно. А пока у нас чрезвычайная ситуация, ясно?

В подтверждение своих слов она ткнула пальцем в сторону оставшегося позади особняка. Теперь голубое пламя и дым вырывались из окон на всех этажах. Но это было еще не самое жуткое. Вниз по ступенькам, ведущим во двор, спускалась четверка мужчин, несущих большой, похожий на гроб ящик с длинными ручками с обоих торцов. Поверх гроба, способного, судя по размерам, вместить не меньше двух покойников, колыхалось черное покрывало. Тащившие его мужчины были одеты явно не по погоде: кроме юбок и сандалий на них ничего не было, а обнаженная кожа отливала на солнце бронзовым блеском.

– Плохо дело, – буркнула Баст. – Давайте в машину, скорее.

Я решил, что вопросы подождут. Сейди успела плюхнуться на переднее сиденье, так что мне пришлось забираться назад. Четверо бронзовокожих парней со своим ящиком были уже во дворе и неслись к нам с невероятной скоростью. Я еще не успел пристегнуться, как Баст дала по газам.

И мы понеслись по улицам Бруклина, виляя как сумасшедшие среди машин и пешеходов и то и дело срезая путь по обочинам и тротуарам.

Стиль вождения Баст повергал в шок, однако скорость реакции у нее была... в общем, как у кошки. Любой нормальный человек, ведя машину на такой скорости по оживленной магистрали, уже сто раз во что-нибудь бы врезался. Она же не получила ни царапины.

Впереди уже маячил Вильямсбургский мост. Я был уверен, что мы давно оторвались от наших преследователей, но стоило мне обернуться, как я снова увидел четыре бронзовые фигуры с черным ящиком, умело лавирующие среди уличного движения. Я никак не мог понять, в чем дело. Вроде бы они бежали с обычной человеческой скоростью, но при этом умудрялись обходить машины, выдававшие не меньше пятидесяти миль в час. Их контуры казались чуть-чуть смазанными, как бывает в старых фильмах. Как будто они выпадали из общего потока времени...

– Кто они такие? – спросил я. – Шабти?

– Нет, носильщики, – отозвалась Баст, поглядывая в зеркало заднего вида. – Их вызвали прямоком из Дуата. Они никогда не останавливаются, пока не настигнут свою жертву и не засунут ее в паланкин...

– Куда-куда? – перебила Сейди.

– Такой большой ящик с ручками наподобие носилок, – пояснила Баст. – Когда носильщиков натравливают на ко-

го-то, они его догоняют, ловят, избивают до потери сознания, засовывают в паланкин и несут своему хозяину. Они никогда не отстают и никогда не упускают свою добычу.

– А от нас-то им что нужно?

– Уж поверь, – вздохнула Баст, – тебе этого лучше не знать.

Я вспомнил, как прошлой ночью в Финиксе наш огненный недруг спалил одного из своих прислужников, не оставив от него ничего, кроме пятнышка копоти, и понял: никакого желания встретаться с ним лицом к лицу у меня нет.

– Баст, – снова заговорил я, – раз уж вы богиня, неужели вы не можете просто щелкнуть пальцами и превратить этих парней в пыль? Или взмахом руки переместить нас куда-нибудь подальше от них?

– Было бы здорово, скажи? Но увы, мои возможности при нынешней носительнице очень ограничены.

– Ты имеешь в виду Пышку? – полюбопытствовала Сейди. – Но теперь-то ты больше не кошка.

– Но она по-прежнему остается моей хозяйкой в этом мире, Сейди. Она – мой якорь, удерживающий меня по эту сторону Дуата, причем весьма ненадежный. Твой призыв о помощи позволил мне принять человеческий облик, но даже его поддержание требует больших затрат силы. Впрочем, даже если бы у меня был гораздо более могущественный носитель, магия Сета все равно сильнее моей.

– А нельзя выразаться хоть чуть-чуть понятнее? – взмо-

лился я.

– Картер, у нас сейчас нет времени предаваться рассуждениям о богах, их носителях и магических возможностях! Наша главная задача – добраться до безопасного места.

Баст снова ударила по газам и выскочила на середину моста. Носильщики с паланкином по-прежнему виднелись позади, чуть расплываясь в еле заметной дымке. Меня удивило, что никто, кроме нас, не обращает на них внимания: машины не пытались свернуть с их пути, никто не паниковал и не выглядывал из окон. Их как будто вовсе не замечали.

– Почему никто на них не смотрит? – спросил я. – Разве четыре бронзовых человека в юбках, бегущие в морозный день по мосту с громадным ящиком в руках, не должны привлекать взгляды?

Баст пожала плечами.

– Кошки, например, могут слышать множество звуков, недоступных человеческому уху. Некоторые животные могут видеть в ультрафиолетовом спектре, а люди нет. То же самое и с магией. Вот скажи, ты сразу увидел особняк, когда вы только прибыли?

– Ну... вообще-то нет.

– Вот видишь, – кивнула Баст. – А ведь ты прирожденный маг. Теперь попробуй представить, каково приходится простым смертным.

– Прирожденный маг? – Я растерялся на минутку, а потом вспомнил, как Амос рассказывал о том, что потомки нашего

рода издавна состояли в Доме Жизни. – Но если магия, как ты говоришь, передается из поколения в поколение, почему мои магические способности не проявлялись до вчерашнего дня?

Баст ухмыльнулась в зеркало.

– А вот твоя сестра, кажется, поняла, почему.

Уши Сейди запылали.

– Ни черта я не поняла! И я до сих пор не могу поверить, что ты богиня. Все эти годы ты лопала кошачий корм, дрыхла на моей кровати...

– Мы с твоим отцом заключили сделку, – сказала Баст. – Он дал мне разрешение находиться в этом мире, но только в облике обычной кошки, чтобы я могла присматривать за тобой и оберегать тебя. Это было самое малое, что я могла сделать после... – она резко умолкла.

У меня противно засосало в желудке – и вовсе не от скорости. От жуткой догадки.

– После того, как умерла наша мама? – с трудом проговорил я.

Баст не ответила, неподвижно уставившись в ветровое стекло.

– Дело ведь в этом, правда? – продолжал я. – Мама и папа проводили какой-то магический обряд возле Иглы Клеопатры, и что-то у них пошло не так. Наша мама погибла... а ты вышла на свободу, так?

– Сейчас речь не об этом, – отрезала Баст. – А о том, что

я обязалась защищать Сейди. И честно исполняю свой долг.

Я уже не сомневался, что бывшая кошка что-то скрывает, но она говорила таким тоном, что сразу стало ясно: тема закрыта.

– Если вы, боги, такие могущественные и при этом готовы помогать людям, – снова спросил я, – почему Дом Жизни запрещает магам вызывать вас?

– Потому что, – отозвалась Баст, вырубивая на скоростную полосу, – все маги – неисправимые параноики. Сейчас для вас самое безопасное – оставаться со мной. Нью-Йорк стал опасным местом, и нам нужно убраться от него как можно дальше. А потом мы постараемся заручиться помощью и сразиться с Сетом.

– А где мы найдем помощь? – спросила Сейди.

– Как это где? – отозвалась Баст, удивленно приподняв бровь. – Призовем других богов, конечно.

10

Баст зеленеет

Картер

(Сейди, прекрати! Знаю, я как раз перехожу к этому.)

Прошу прощения, Сейди тут отвлекает меня, пытаюсь поджечь мне... впрочем, не важно. Так, на чем я остановился?

Ага, значит, мы переехали по Вильямсбургскому мосту на Манхэттен и двинулись дальше на север по Клинтон-стрит.

– Они так и не отстают, – известила нас Сейди, то и дело оглядываясь назад.

Действительно, носильщики продолжали трусить следом примерно в квартале от нас, увертываясь от идущих машин и снося с тротуаров лавки, торгующие всяким сувенирным хламом для туристов.

– Сейчас мы попробуем выиграть немного времени, – сказала Баст и издала низкое горловое рычание, от которого у

меня даже зубы заныли. Потом она резко крутанула руль и свернула на Хаустон-стрит.

Я повернулся на сиденье, глядя назад. Едва носильщики появились из-за угла, на них тут же хлынула невесть откуда взявшаяся орда кошек. Коты прыгали из окон, выбегали из переулков и даже выныривали из сточных канав и канализационных колодцев, чтобы обрушиться на наших преследователей сплошными цунами шерсти и когтей. С яростным шипением и мяуканьем они карабкались по бронзовым ногам, драли когтями спины, вцеплялись в лица, десятками громоздились на паланкин. Носильщики выронили свою ношу и принялись вслепую отбиваться от осаждающих их зверюг, которые все прибывали и прибывали. С визгом тормозов и скрежетом сминаемого металла посреди улицы столкнулись две машины, пытавшиеся объехать кошачье скопление, в результате чего движение по улице оказалось окончательно остановлено. Последнее, что мы успели увидеть, сворачивая на магистраль имени Франклина Рузвельта, – это то, как и носильщики, и их паланкин полностью скрываются под лавиной разъяренных кошек.

– Ловкий ход, – оценил я.

– Боюсь, это не сильно их задержит, – вздохнула Баст. – А теперь – в Центральный парк!

Угнанный «Лексус» Баст приткнула возле музея Метрополитен.

– Отсюда придется бегом, – сказала она. – Это рядом, сразу за музеем.

Насчет «бегом» она не шутила. Мы с Сейди пыхтели и выбивались из сил, пытаясь поспеть за Баст, а она, похоже, даже не вспотела. Такие пустяки, как лотки продавцов хот-догов или припаркованные машины, ничуть ее не задерживали: любое препятствие высотой меньше десяти футов она перемахивала одним прыжком, а нам приходилось преодолевать преграды в обход.

Мы мчались к парку по Ист-драйв и вскоре, как только мы повернули к северу, увидели перед собой громаду обелиска. Высотой он был чуть больше семидесяти футов и показался мне точной копией Иглы Клеопатры. Он возвышался на вершине поросшего ровной травкой холма, величественный и одинокий. Просто удивительно, как в огромном и шумном Нью-Йорке нашлось для него такое уединенное место. Вокруг не было ни души – разве что парочка любителей побегать от инфаркта виднелась в конце аллеи. До меня доносился шум уличного движения со стороны как всегда перегруженной Пятой авеню, но даже он казался каким-то бесконечно далеким.

У подножия обелиска мы наконец остановились. Мы с Сейди жадно хватали ртом воздух, а Баст тревожно принюхивалась, словно чуяла что-то недоброе. Когда я наконец немного отдышался, то почувствовал, до чего же сильно замерз. Солнце стояло высоко, но почти не грело, а от ледяно-

го ветра тонкая льняная рубашка совсем не спасала.

– Надо было захватить что-нибудь теплое, – проговорил я, стуча зубами. – Шерстяное пальто бы сейчас не помешало.

– Помешало бы, – отрезала Баст, напряженно вглядываясь в даль. – Ваша одежда специально предназначена для магии.

Сейди съежилась, обхватив себя руками за плечи.

– То есть, чтобы заниматься магией, надо обязательно за-
коченеть как ледышки?

– Маги избегают любых материалов животного происхождения, – рассеянно отозвалась Баст, продолжая обследовать горизонт. – мех, кожа, шерсть и тому подобное хранят остатки ауры убитого животного, которая может помешать творить заклинания.

– Мне мои ботинки вроде не мешали, – заметила Сейди.

– Кожа, – с отвращением хмыкнула Баст. – Наверно, у тебя хороший магический иммунитет, поэтому небольшое количество кожи не нарушает твоих способностей. Но все равно, для любого мага лучше всего подходит одежда, сделанная из льна или хлопка – одним словом, из растительного материала. Ладно, Сейди, сейчас здесь вроде спокойно, можно начинать. Благоприятное для открытия врат время наступит совсем скоро, в одиннадцать тридцать. Но промежуток будет совсем короткий, так что приготовься.

– Я? А почему я? – оторопела Сейди. – Это ведь ты богиня!

– С порталами у меня плохо получается, – отмахнулась

Баст. – Кошки лучше подходят для драк. Главное – успокойся и постарайся контролировать свои эмоции. Если будешь паниковать или отвлекаться, магия может не сработать. А нам обязательно нужно скрыться, пока Сет не призвал кого-нибудь из богов себе в помощь.

– Хочешь сказать, – насторожился я, – что у Сета целая армия злых богов по вызову?

Баст тревожно покосилась на ближайшие деревья.

– Знаешь, Картер, понятия добра и зла к богам не очень применимы. Будучи магом, ты должен рассуждать в категориях порядка и хаоса. Именно эти две противоборствующие силы правят мирозданием. Так вот, Сет и его сподвижники – на стороне хаоса.

– А куда подевались те боги, которых освободил папа? – продолжал спрашивать я. – Они-то на нашей стороне или нет? Исида, Осирис, Гор, Нефтида – где они все?

– А вот это и правда хороший вопрос, Картер, – ответила Баст, вперив в меня кошачий взгляд.

В этот момент из кустов выскочила голубоглазая сиамская кошка и подбежала к Баст. Та присела, и они некоторое время пристально смотрели друг другу в глаза. Потом сиамка так же быстро развернулась и шмыгнула обратно в заросли.

– Носильщики уже близко, – сообщила Баст. – А с востока приближается кое-кто еще... и он гораздо сильнее и опаснее. Кажется, тот, кто отправил за нами носильщиков, начинает терять терпение.

У меня екнуло в груди.

– Сюда идет Сет?

– Да нет, не он сам, – покачала головой Баст. – Кто-нибудь из его помощников, а может, союзник. Моим разведчицам-кошкам трудно описать, что они видят, а мне сейчас некогда разбираться. Сейди, пора. Приступай. Просто сосредоточься и открой нам врата в Дуат. А я постараюсь задержать наших врагов. Боевая магия – это по моей части.

– Как было в особняке, да? – спросил я.

Баст ощерилась, показав острые зубы.

– Нет. Там была просто драка.

Тут кусты вдоль аллеи затрещали, и из них показались носильщики. Выглядели они плачевно: бронзовые тела искусаны и расцарапаны, юбки и черное покрывало паланкина в клочья изодраны кошачьими когтями. Один из носильщиков сильно прихрамывал, подволакивая вывихнутую в колене ногу, у другого вокруг шеи болтался покореженный автомобильный бампер.

Подойдя поближе, бронзовые парни бережно опустили на землю свой потрепанный паланкин и, уставившись на нас, вынули из-за поясов увесистые золотистые дубинки.

– Сейди, за работу, – скомандовала Баст. – Картер, если захочешь помочь мне – милости прошу.

Повелительница кошек неуловимым движением выхватила свои кинжалы и встала, чуть раскинув руки. Я увидел, как ее тело стало наливаться зеленоватым свечением, а потом

это свечение разрослось в сияющую вокруг нее зеленую ауру. Эта аура раздувалась, как наполненный энергией пузырь, постепенно приподнимая богиню над землей. Потом магический пузырь стал понемногу менять форму, пока не принял очертания Баст. Теперь богиня оказалась заключена как будто в собственную голографическую проекцию – светящееся изображение древней богини с кошачьей головой, раза в четыре выше нормального человеческого роста. Паря в самом центре этой голограммы, Баст сделала шаг вперед. Гигантская богиня-кошка повторила это движение. Странно: полупрозрачная светящаяся фигура казалась совершенно нематериальной, однако от ее поступи дрожала земля. Баст подняла руку – и зеленая светящаяся воительница сделала то же самое, выпустив из пальцев длинные и острые, как рапиры, когти. Управляя огромной когтистой лапой, Баст резко ударила по асфальту аллеи, оставив в нем длинные извилистые борозды, а потом посмотрела на меня и ухмыльнулась. Кошачья голова над ней тоже изобразила улыбку, оскалив громадные клыки, которые играючи перекусили бы меня пополам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.